

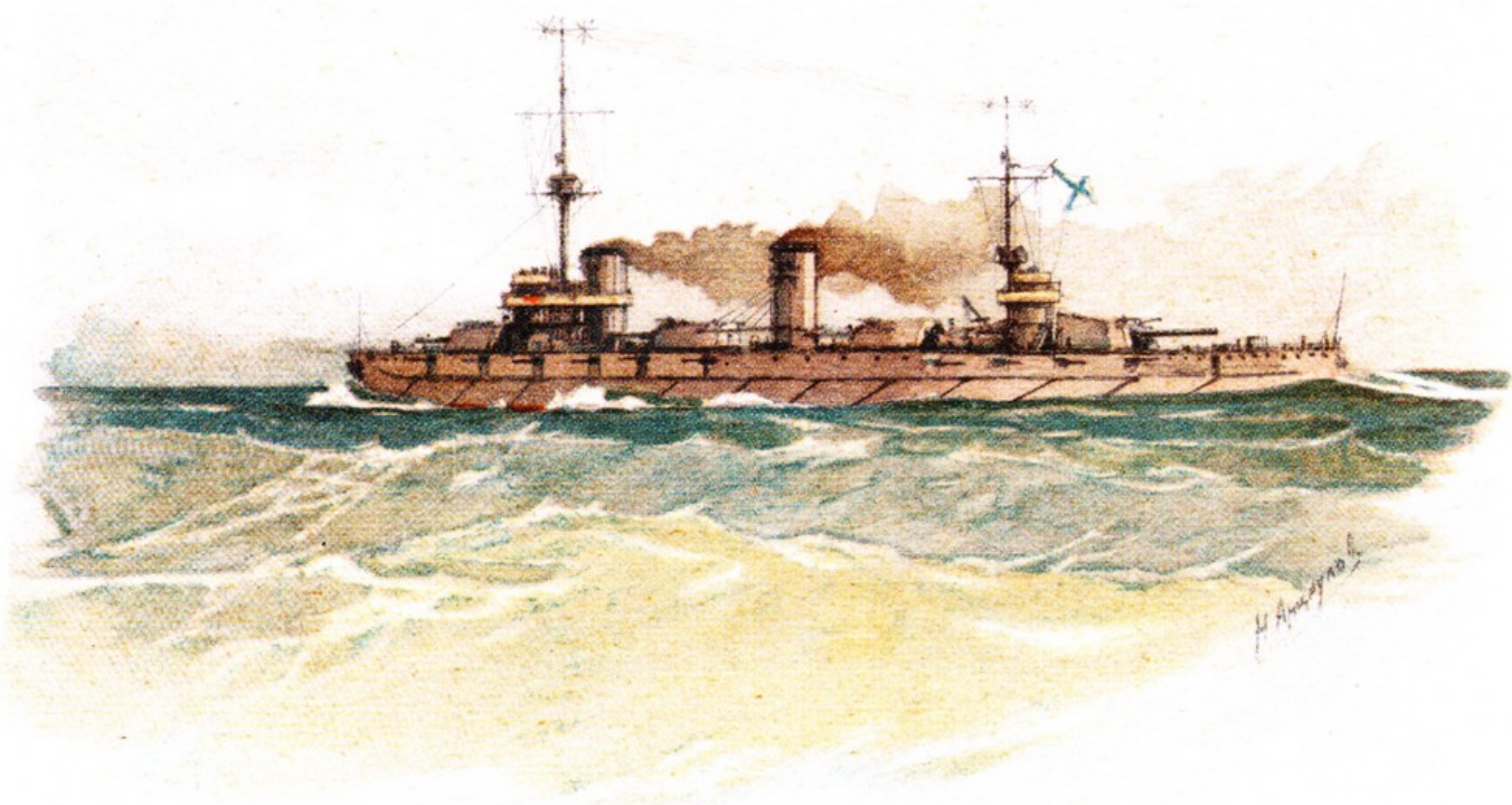
Н.А. Кузнецов

Александр Васильевич КОЛЧАК

ЦЕЙХГАУЗ

ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ «ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ».

Главные элементы корабля:

Длина по грузовой	551 футъ 2 дюйма.
Наибольшая ширина съ обшивкой	90 » 0 »
Углубленіе въ морской водѣ	27 » 5 »
Нормальное водоизмѣщеніе	22,800 м. т.
Мощность главныхъ двигателей	26,500 SHP.

Артиллерійское вооруженіе корабля слѣдующее: 12 12-ти ам. орудій и 44 орудія средняго и мелкаго калибра.

Наблюдающій за постройкой — Корпуса Кор. Инж. Полковникъ *Матросовъ*.

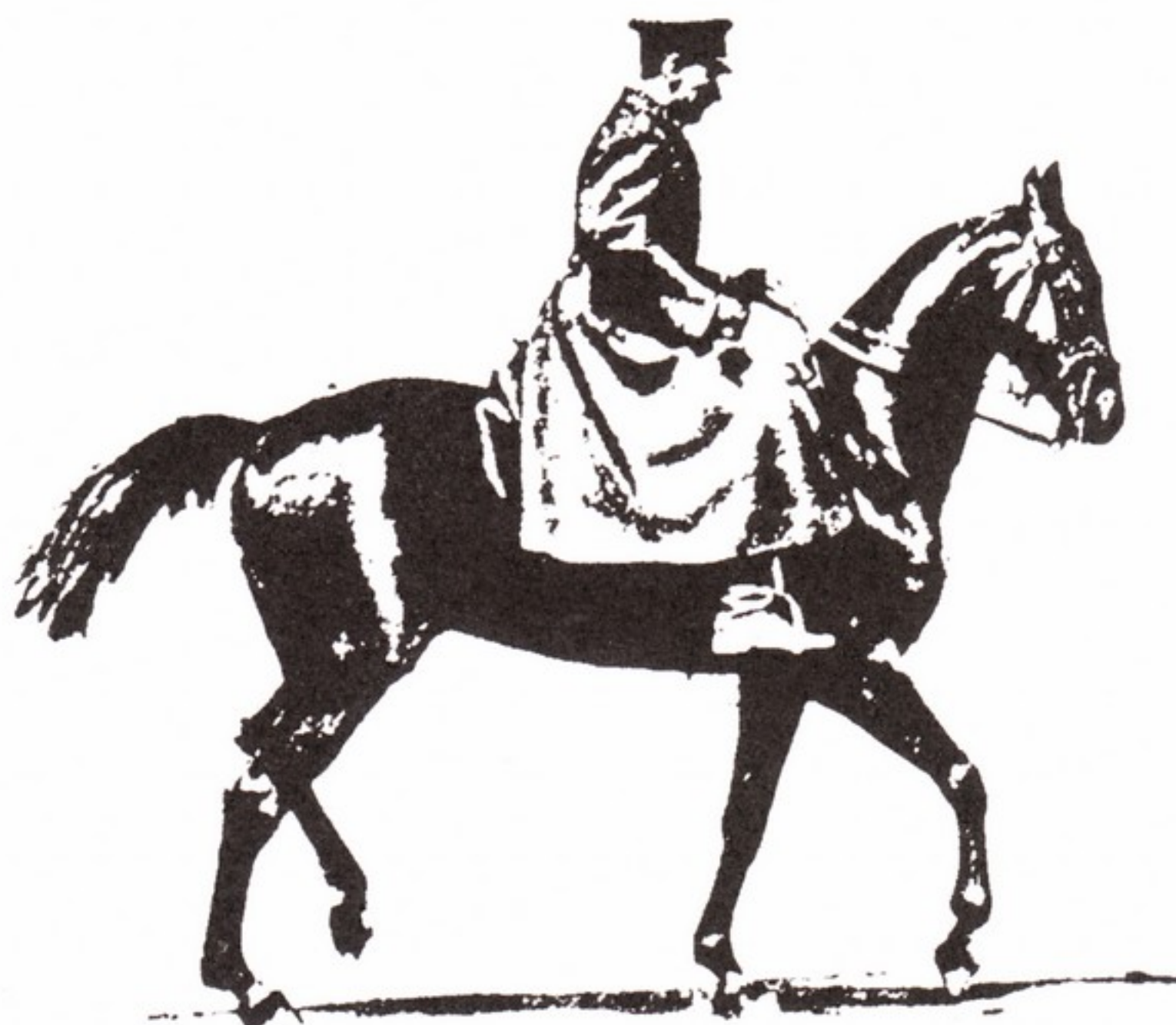
Линкор «Императрица Мария» — флагманский корабль командующего Черноморским флотом вице-адмирала А.В. Колчака в 1916 году

Военные биографии

Н.А. Кузнецов

Александр Васильевич Колчак

 ЦДИИ

Москва • 2007

ДК 355
ББК 39.42
К21

Серия «**Военные биографии**»

Ответственный редактор
А. Малов

Макет, верстка
А. Гусев

Редактор
В. Божко

Руководитель проекта
А. Егоров

Кузнецов Н.А.

К21 Александр Васильевич Колчак — М.: ООО «Издательство «Цейхгауз», 2007. — 48 с.

ISBN 978-5-9771-0080-9

Работа посвящена жизни и деятельности адмирала Александра Васильевича Колчака (1874-1920) – русского моряка, полярного исследователя, в 1916-1917 гг. командующего Черноморским флотом. В период Гражданской войны Колчак стал Верховным Правителем России, в 1918-1920 гг. возглавив Белое движение на Восточном фронте. В книге рассказывается о различных аспектах биографии этого выдающегося человека - полярника, флотоводца, государственного деятеля.

УДК 355
ББК 39.42

© Н.А. Кузнецов, 2007
© ООО «Издательство «Цейхгауз», 2007

ООО «Издательство «Цейхгауз».
115533, Москва, а/я 25
Тел.: (495) 776-97-46
E-mail: zeughaus@zeughaus.ru
www.zeughaus.ru

Подписано в печать 18.06.07. Формат 70х100/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Усл.печ.л. 6,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 1794

Отпечатано в типографии ООО «Карита», г. Москва

Детство и юность

Александр Васильевич КОЛЧАК родился 4 ноября 1874 года* в Санкт-Петербурге. Род Колчаков известен в России с первой половины XVIII века. Далекий предок Александра Васильевича, Илиас Калчак-паша – боснийский серб, принявший мусульманство, – служил комендантом турецкой крепости Хотин и был взят в плен русскими войсками 19 августа 1739 года, после чего жил в Санкт-Петербурге, а затем – в Бендерах. Прадед адмирала – Лукьян Колчак, живший в конце XVIII – начале XIX в., был сотником Бугского казачьего войска и получил надел земли в Ананьевском уезде Херсонской губернии. Старший его сын – Иван Лукьянович, унаследовав часть имения, продал ее и купил дом в Одессе, поступив на гражданскую службу. У него было несколько дочерей и три сына, старший из которых и был отцом А.В. Колчака.

Отец будущего адмирала, Василий Иванович Колчак, был потомственным дворянином и профессиональным военным. В 1854 году он окончил Ришельевский лицей в Одессе, принял участие в Крымской войне, был в плену. С 1863 по 1899 год он заведовал одной из мастерских Обуховского завода и вышел в отставку в 1889 году в чине генерал-майора. Мать А.В. Колчака, Ольга Ильинична (урожденная Посохова), происходила из одесской купеческой семьи (хотя на допросе в 1920 году Колчак говорил о ее происхождении из дворянской семьи). Всю свою жизнь отец будущего адмирала служил России и никогда не думал о погоне за материальными благами, о чем красноречиво говорят строки из послужного списка А.В. Колчака (1894 год): «Ни за ним, ни за родителями... недвижимого имущества, родового или благоприобретенного, не имеется».

Начальное образование Александр Колчак получил дома, затем обучался в 6-й Петербургской классической гимназии, где учебные его успехи были удовлетворительны. В 1888 году Колчак

Мать А.В. Колчака - О.И. Колчак (Посохова).

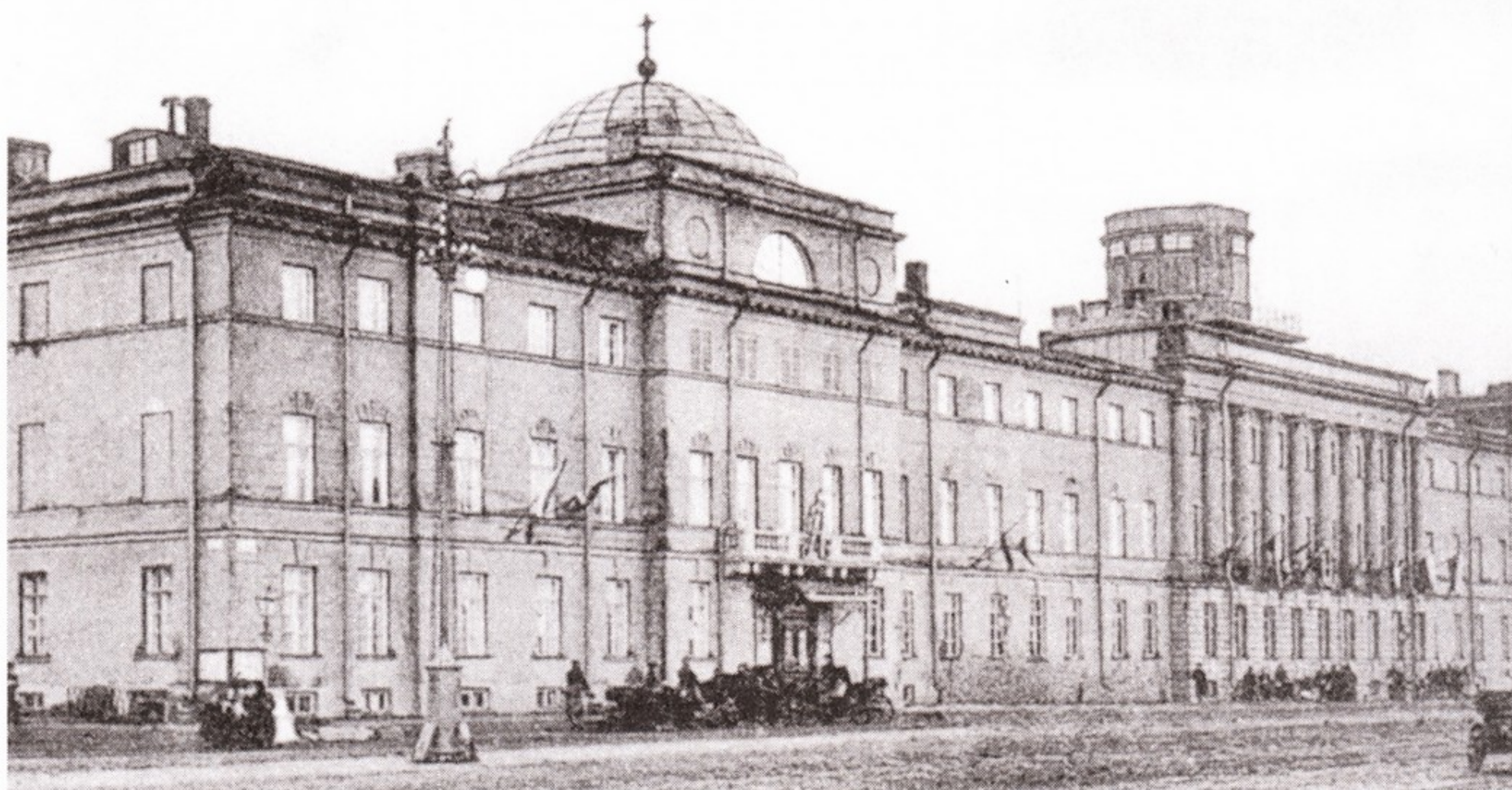
* Даты до 1(14) февраля 1918 года приводятся по юлианскому (т.н. «старому») стилю, после – по грегорианскому (т.н. «новому») стилю.

Отец А.В. Колчака - генерал-майор В.И. Колчак

Здание Морского корпуса в Санкт-Петербурге

был зачислен в Морское училище (с 1891 года – Морской кадетский корпус), которое окончил в 1894 году вторым по списку с премией адмирала П.И. Рикорда. Есть информация, что первым в списке должен был идти именно Колчак, однако он уступил пальму первенства своему однокашнику Д.Д. Филиппову, успехи которого были примерно на одном уровне с будущим Верховным Правителем, но при этом у последнего «хромали» оценки по поведению.

Вот что писал о Колчаке его однокашник по Морскому корпусу и будущий соратник по Белой борьбе – М.И. Смирнов: «Он усердно занимался науками и всегда был то первым, то вторым учеником в своем выпуске. В 1893 году гардемарин Колчак был назначен фельдфебелем младшей роты. Здесь я впервые с ним познакомился, будучи воспитанником младшей роты. Колчак, молодой человек, невысокого роста, с сосредоточенным взглядом живых и выразительных глаз, глубоким грудным голосом, образностью прекрасной русской речи, серьезностью мыслей и поступков, внушал нам, мальчикам, глубокое к себе уважение. Мы чувствовали в нем моральную силу, которой невозможно не повиноваться, чувствовали, что это тот человек, за которым надо беспрекословно следовать. Ни один офицер-воспитатель, ни один преподаватель корпуса не внушал нам такого чувства превосходства, как гардемарин Колчак. В нем был виден будущий вождь». Похожий отзыв о

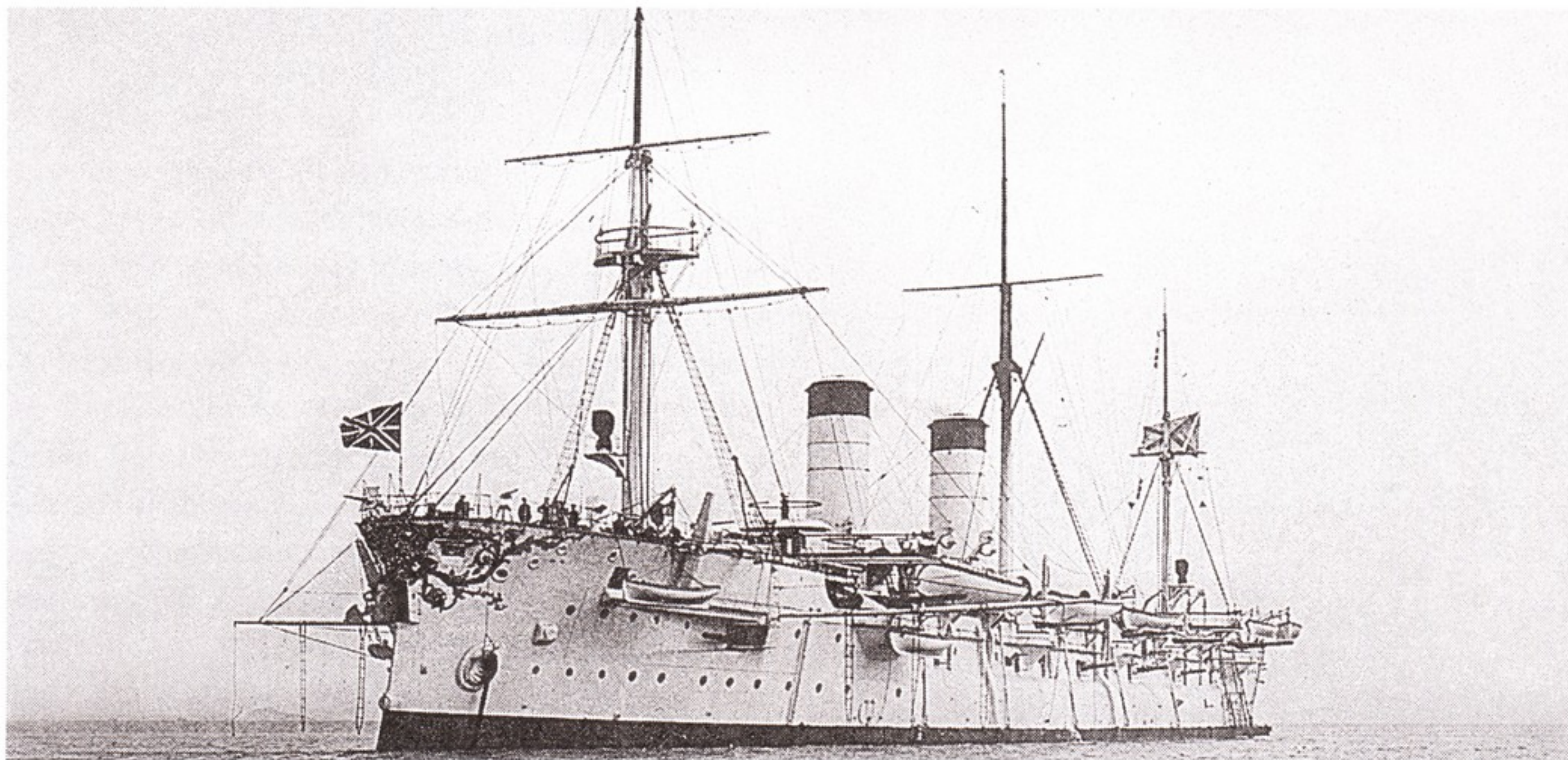
Колчаке содержится и в воспоминаниях моряка и известного эмигрантского писателя-мариниста Д.В. Никитина (Фокагитова): «Кадет среднего роста, стройный сухощавый брюнет с необычным, южным типом лица и орлиным носом поучает подошедшего к нему высокого и плотного кадета. Тот смотрит на своего ментора с упованием... Ментор этот, один из первых кадет по классу, был как бы постоянной справочной книгой для его менее преуспевающих товарищей. Если что-нибудь было непонятно в математической задаче, выход один: «Надо Колчака спросить»...».

Начало флотской службы

15 сентября 1894 года Александр Васильевич был произведен в чин мичмана и 6 августа 1895 года был назначен на броненосный крейсер «Рюрик», отправлявшийся из Кронштадта на Дальний Восток. Общавшийся с ним в этот период будущий вице-адмирал Д.В. Ненюков вспоминал: «Он уже и тогда обращал на себя внимание своими познаниями в морском деле и порывистостью своего характера. Он чрезвычайно интересовался военно-морской историей и знал все морские сражения, как свои пять пальцев. Его в шутку называли мичманом Нельсоном...».

Кроме того, уже тогда проявились склонности Александра Васильевича к научным исследованиям: он начал заниматься океанографией и гидрологией. С 1896 по 1899 год Колчак служил на

Крейсер «Рюрик» – корабль, на котором начал свою флотскую службу мичман Колчак

крейсере 2-го ранга «Крейсер» в должности вахтенного начальника, а 6 декабря 1898 года был произведен в лейтенанты. По возвращении в Петербург он попытался принять участие в экспедиции С.О. Макарова на ледоколе «Ермак», но сделать этого ему не удалось «по служебным обстоятельствам»: личный состав экспедиции был к тому времени полностью укомплектован. В сентябре 1899 года Колчака назначили вахтенным начальником на броненосец «Полтава», но уже через две недели он был переведен на ту же должность на броненосец «Петропавловск», которому предстоял переход на Дальний Восток.

Русская полярная экспедиция

По пути в Пирей Колчак получает приглашение принять участие в северной полярной экспедиции Академии Наук в качестве гидролога. Естественно, приглашение не было случайным: сказались его научные контакты с адмиралом С.О. Макаровым и организатором экспедиции бароном Э.В. Толем, обратившим внимание на опубликованные труды Александра Васильевича по океанографии. В январе 1900 года лейтенант

Барон Э.В. Толль – руководитель Русской полярной экспедиции

Колчак на торговом пароходе прибыл в Санкт-Петербург и 21 января был официально назначен в состав экспедиции. Помимо обязанностей гидролога он должен был исполнять и обязанности помощника магнитолога. В течение трех месяцев Александр Васильевич осваивал тонкости этих специальностей, сначала в Главной физической обсерватории в Санкт-Петербурге, а затем – в Пулковской магнитной обсерватории. Побывал А.В. Колчак и в Норвегии, где работал у знаменитого полярного исследователя Ф. Нансена.

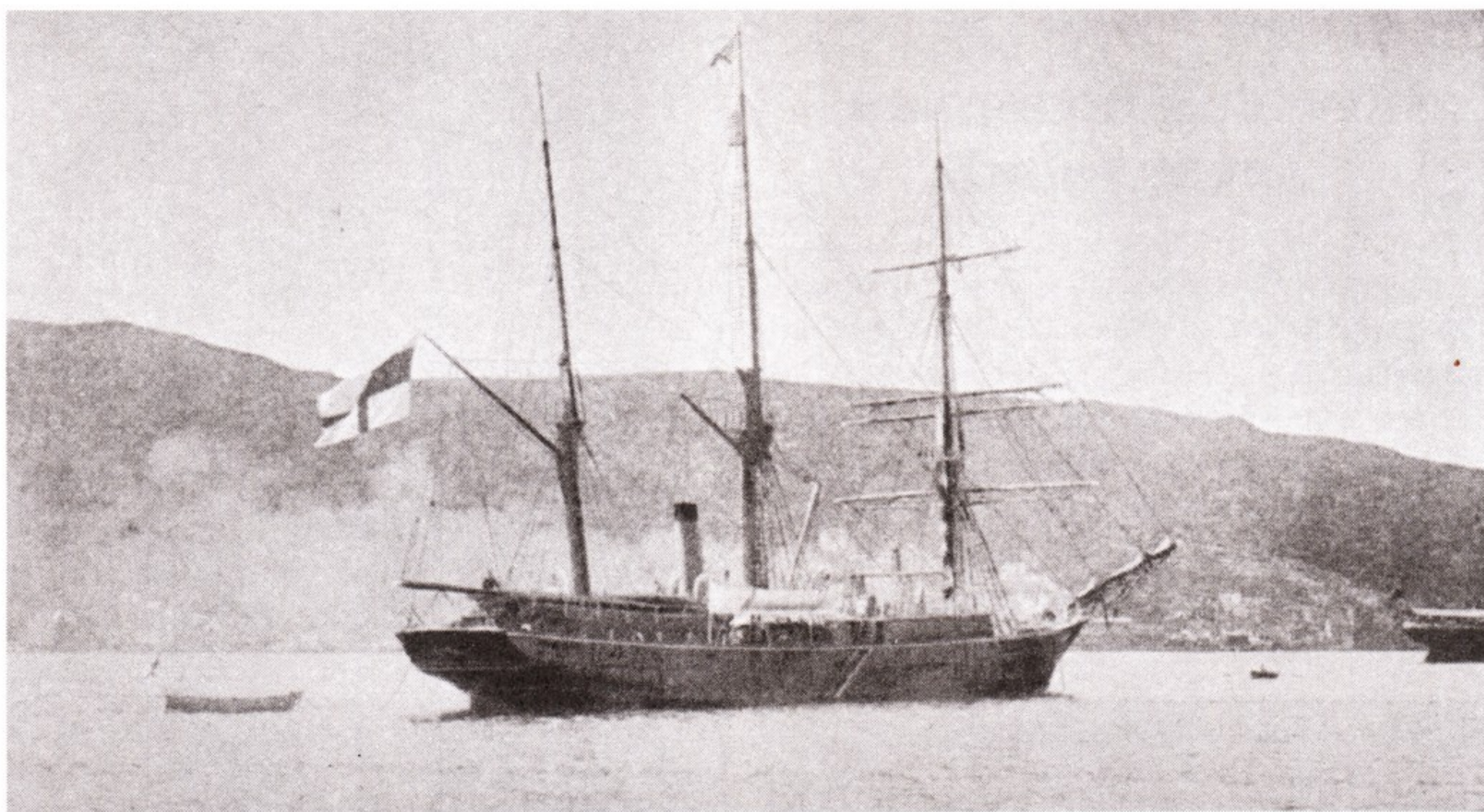

Лагерь Русской полярной экспедиции на острове Котельный. У палатки стоит А.В. Колчак

В задачи Русской полярной экспедиции входило исследование Новосибирских островов, проход (второй раз в истории мореплавания) Северным Морским путем и поиск легендарной «земли Санникова». Экспедиция на судне «Заря» прохо-

Шхуна «Заря» в норвежском порту, 1899 г.

дила с июня 1900 по октябрь 1902 года и принесла весьма значительные результаты: были исследованы полуостров Таймыр, Новосибирские острова, остров Котельный. Колчак проводил исследования полярных льдов, открыл ряд географических пунктов. Два из них – островок в Карском море и южный мыс на полуострове Чернышева (остров Беннета) – он назвал именем своей невесты Софии Омировой, причем названия эти сохранены до сих пор. Один из островов в Таймырском заливе барон Толль окрестил в честь самого Колчака (в 1937 году он был переименован в остров Расторгуева, в честь одного из матросов «Зари»; 19 июля 2005 года историческое название было восстановлено). Работы экспедиции были связаны с немалыми трудностями: во время двух зимовок ее участникам пришлось перенести многочисленные лишения. Общие обязанности, от которых зависела жизнь каждого члена экспедиции, выполняли все: от начальника и офицеров до последнего матроса и погонщика-каюра. В начале июня 1902 года барон Э.В. Толль вместе с тремя своими спутниками отправился на остров Беннета с целью изучить его геологическое строение. К оговоренному крайнему сроку они не вернулись, и «Заря» пришла в бухту Тикси без них.

Академия Наук решила организовать экспедицию по поиску барона Толля и его спутников. Первоначально к острову Беннета планировали

послать ледокол «Ермак», но от этой идеи отказались, решив организовать санно-шлюпочную экспедицию. Возглавил ее сам автор этого проекта – лейтенант Колчак. Поисковая экспедиция проходила с 5 мая по 7 декабря 1903 года. В ее составе было 17 человек на 12 нартах, запряженных 160 собаками. Путь до острова Беннета занял три месяца, и практически каждый метр этого пути был связан с риском для жизни. Постоянно шли обильные снегопады, приходилось часто стаскивать шлюпки с мелей, причем были неизбежны «купания» в ледяной воде. 4 августа, добравшись до острова Беннета, члены экспедиции обнаружили там предметы и записку, оставленные бароном Толлем. Из записки следовало, что Толль и его спутники еще 26 октября 1902 года ушли на юг, имея запасов провизии лишь на две-три недели. Это означало для них одно – смерть...

Обратная дорога Колчака была не менее трудной, но моряки выдержали все испытания и 7 декабря благополучно прибыли в Казачье (конечный пункт экспедиции). За этот подвиг Колчак получил орден Святого Владимира IV-й степени, а позже, в январе 1906 года, Русское Географическое Общество наградило его высшей наградой – большой золотой Константиновской медалью. Арктические экспедиции принесли молодому офицеру

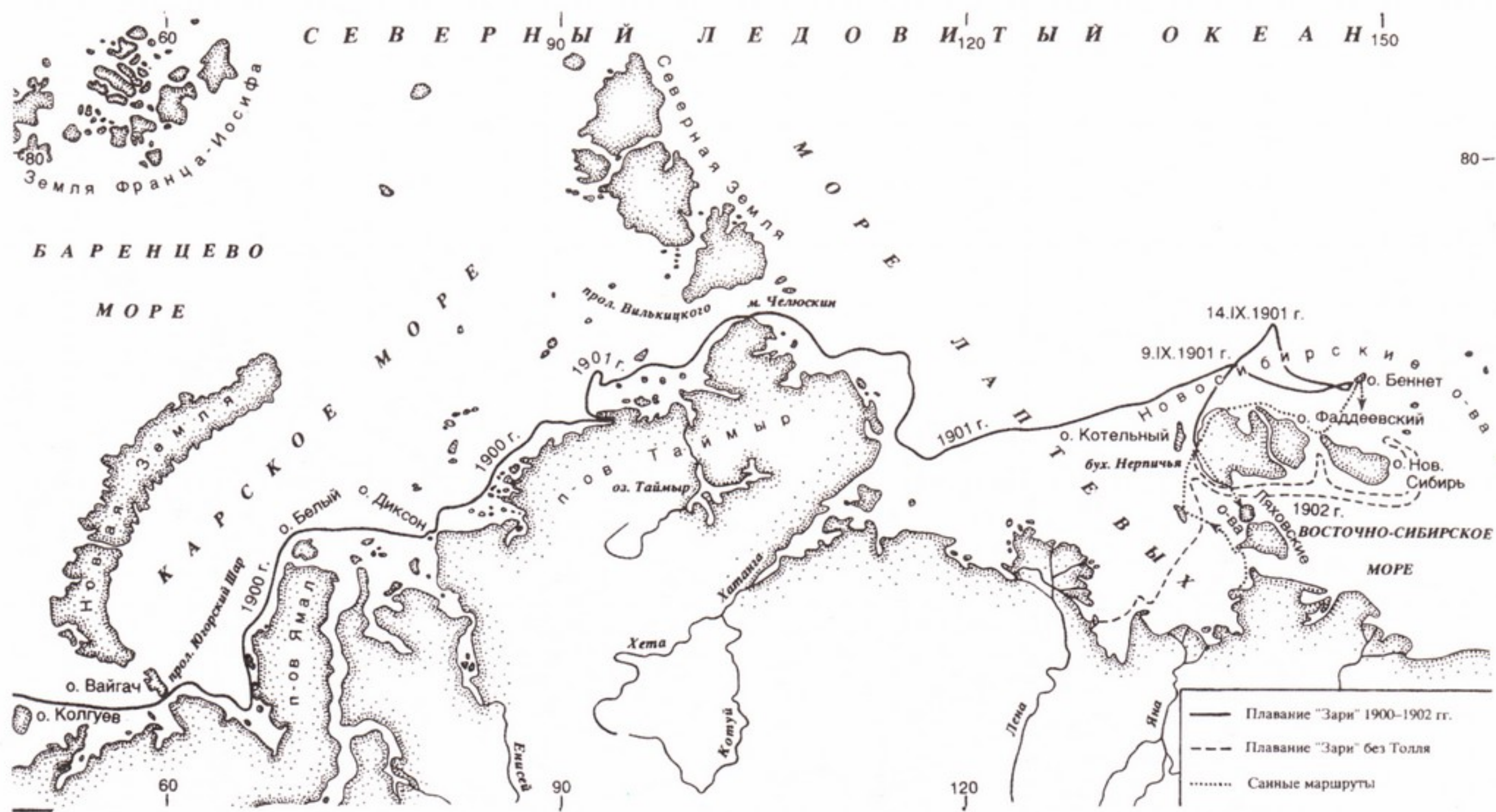
славу (неофициально его часто называли «Колчак-Полярный») и авторитет в области гидрографии. По материалам экспедиций он выпустил монографию «Льды Карского и Сибирского морей», быстро переведенную на другие языки.

...Еще в 1899 году Александр Васильевич познакомился со своей будущей невестой – Софией Федоровной Омировой, чье имя было им увековечено на географической карте. С.Ф. Омирова была родом из Каменец-Подольска, родилась в дворянской семье. Молодые люди нежно любили друг друга (об этом свидетельствуют письма Колчака к Омировой, отправляемые с Севера), но обвенчаться смогли лишь 6 марта 1904 года в Иркутске, после возвращения Колчака из полярной экспедиции*. И уже через несколько дней молодоженам пришлось разъехаться в разные стороны: Колчак должен был следовать в Порт-Артур, в 1-ю Тихоокеанскую эскадру. Начиналась Русско-Японская война...

С.Ф. Колчак в эмиграции, 1920-е гг.

Карта маршрутов Русской полярной экспедиции в 1900-1902 гг.

* Впоследствии у Александра Васильевича и Софии Федоровны было трое детей: сын Ростислав (1910-1965, скончался во Франции) и дочери Маргарита и Екатерина, скончавшиеся во младенчестве. Сама София Федоровна умерла в 1956 году под Парижем.)

Порт-Артур

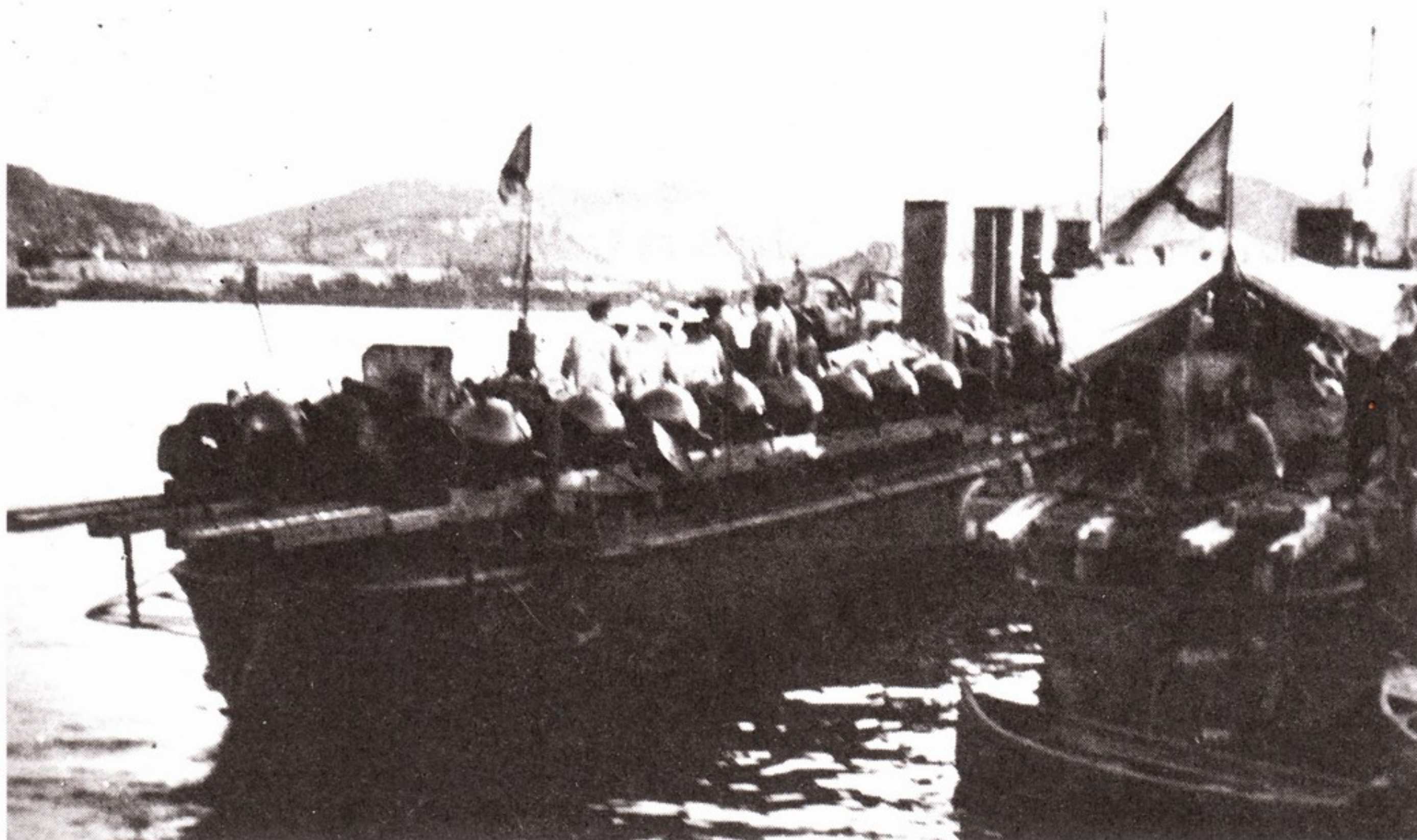
По прибытии в Порт-Артур в середине марта Колчак попросил у командующего 1-й Тихоокеанской эскадрой вице-адмирала С.О. Макарова о назначении командиром миноносца, но Макаров определил его вахтенным начальником на крейсер «Аскольд», на котором он сам отдыхал и ночевал после каждого многотрудного дня, проведенного на броненосце «Петропавловск». Этим назначением командующий хотел предоставить лейтенанту возможность отдыха после полярной экспедиции и приблизить его к себе, чтобы познакомиться получше. Впрочем, как пишет современный биограф Колчака П.Н. Зырянов, причина того, что Колчак не был назначен командиром миноносца, могла заключаться и в другом: «... Макаров смотрел на Колчака как на приткого молодого человека, который перебежал ему дорогу, когда готовилась экспедиция на поиски Толля [речь идет о планировавшейся посылке на Север ледокола «Ермак» — макаровского «детища»]. Поэтому и возникло желание попридержать слишком резвого лейтенанта, поставить его на место. Макаров не всегда точно оценивал людей».

Миноносец «Сердитый» готовится к ночной минной постановке, август 1904 г.

Вице-адмирал С.О. Макаров

Но уже 31 марта «Петропавловск» подорвался на японской mine, и Макаров погиб. А.В. Колчак 17 апреля был переведен на минный заградитель «Амур», а еще через четыре дня вступил в командование миноносцем «Сердитый». В июне он заболел воспалением легких и несколько месяцев про-

Японский крейсер «Такасаго», погибший на минах, выставленных миноносцем «Сердитый».

лежал в госпитале, а по выздоровлении до 2 ноября продолжал командовать миноносцем. После неудачной попытки прорыва русской эскадры из Порт-Артура 28 июля, в которой, впрочем, «Сердитый» не участвовал, корабли фактически оказались запертыми в гавани. Но и в этих условиях они продолжали причинять японцам ущерб. В частно-

сти, миноносец «Сердитый» участвовал в минных постановках, и на одной из «его» минных банок в ночь на 30 ноября подорвался, затонув на другой день, японский бронепалубный крейсер «Такасаго». За действия против неприятеля Колчак был награжден орденом Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость».

Русские корабли, затопленные в Порт-Артуре (японская фотография)

2 ноября 1904 года Колчак перешел на сухопутный фронт, получив в командование батарею 47-мм и 120-мм орудий на северо-восточном участке обороны крепости. Вот как он говорил об этом эпизоде на допросе в Иркутске: «...осенью, чувствуя себя больным для того, чтобы продолжать морскую службу, я просил о переводе меня на сухопутный фронт, был назначен командиром батареи в Порт-Артуре, где и был до падения Порт-Артура, оставался на посту до последнего дня».

20 декабря Порт-Артур был сдан неприятелю. У Александра Васильевича, который еще раньше был легко ранен, вдобавок обострился ревматизм – тяжелое последствие полярных экспедиций, и поэтому он был оставлен в порт-артурском госпитале на положении военнопленного. Оттуда вместе с другими пленными молодой офицер был отправлен в Дальний, а затем – в Нагасаки. В конце апреля 1905 года, отказавшись от предложения японского правительства безвозмездно воспользоваться лечебными учреждениями, Колчак вместе с группой морских офицеров вернулся в Петербург. После возвращения из плена его уволили в шестимесячный отпуск для лечения. А 12 декабря за отличия при обороне Порт-Артура он был награжден Золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденом Святого Станислава II-й степени с мечами.

После окончания отпуска лейтенант Колчак был прикомандирован к Академии Наук для завершения обработки результатов Русской полярной экспедиции 1900-1903 годов. Именно тогда

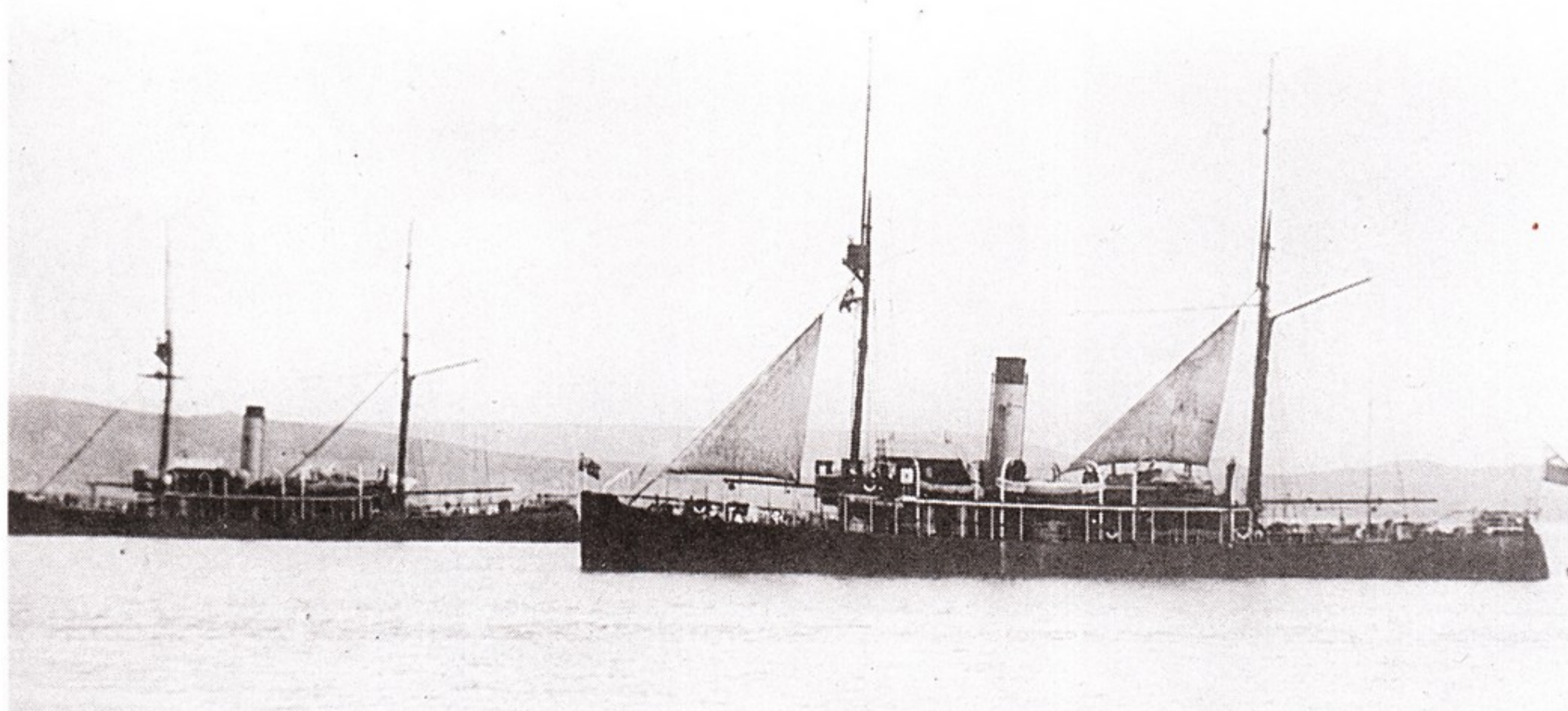
он пишет упомянутую выше монографию по гляциологии, выступает с докладами, становится членом Российского Географического Общества. В этот же период он подготовил к печати карты Ледовитого океана.

Между двумя войнами

Сокрушительное морское поражение в русско-японской войне выдвинуло на повестку дня восстановление флота, причем восстанавливать и реформировать его необходимо было с учетом всех ошибок, накопленного опыта, изменившейся ситуации. Это осознавали многие видные военные и политические деятели того времени; осознавал это и лейтенант Колчак.

В январе 1906 года он вместе с группой молодых морских офицеров организовал Петербургский военно-морской кружок, став его председателем. По инициативе членов этого кружка был создан Морской Генеральный Штаб – орган оперативного руководства флотом, и с 1 мая Колчак был к нему прикомандирован. С 1906 по 1908 год Колчак занимал должность заведующего Северным (Балтийским) столом (отделом) оперативного отдела Морского Генерального штаба. Он принимал участие в изучении военно-политической обстановки, причем офицеры Морского Гене-

Ледокольные транспорты «Таймыр» и «Вайгач»

Адмирал Н.О. Эссен – командующий Балтийским флотом в 1911-1915 гг.

рального Штаба еще в 1906 году предсказали основной ход будущей войны, которую потом назовут Великой или Первой мировой. Колчак участвовал в разработке судостроительных программ, нередко выступал в Государственной Думе, отстаивая позиции России и Флота. В декабре 1907 года на очередном заседании Петербургского военно-морского кружка произведенный к тому времени в капитан-лейтенанты Колчак выступил с докладом «Какой нужен России флот», отстаивая необходимость постройки прежде всего линейных кораблей. Подводя итоги своим размышлениям, Колчак писал: «России нужна реальная морская сила, на которой могла бы быть основана неприкосновенность ее морских границ и на которую могла бы опереться независимая политика, достойная великой державы, т. е. такая политика, которая в необходимом случае получает подтверждение в виде успешной войны».

Эта реальная сила лежит в линейном флоте и только в нем, по крайней мере в настоящее время мы не можем говорить о чем-либо другом. Если России суждено играть роль великой державы – она будет иметь линейный флот как непереносимое условие этого положения...

Беря на себя смелость отрицать, хотя бы в настоящее время, необходимость вооруженной силы, – надо идти до конца и отрицать всякий флот, ибо создание фиктивной силы в виде специального минного или подводного флота чрезвычайно дорого – при нашем положении в государственном мы не имеем права тратить десятки миллионов на опыты и основывать хотя бы часть государственного бытия на сомнительной или заведомо неудовлетворительной силе.

Никакая отрасль или часть проявления государственной жизни не может быть даже временно приостановлена без ущерба всему целому, и никакими финансовыми затруднениями нельзя оправдать сознательное отречение от неприкосновенности и политической независимости, достигаемой правильным соотношением и развитием сухопутных и морских вооруженных сил.

Эта морская сила должна быть и будет в форме линейного флота; нашему отечеству предстоит выполнить огромную задачу его создания, которое должно быть произведено одновременно во

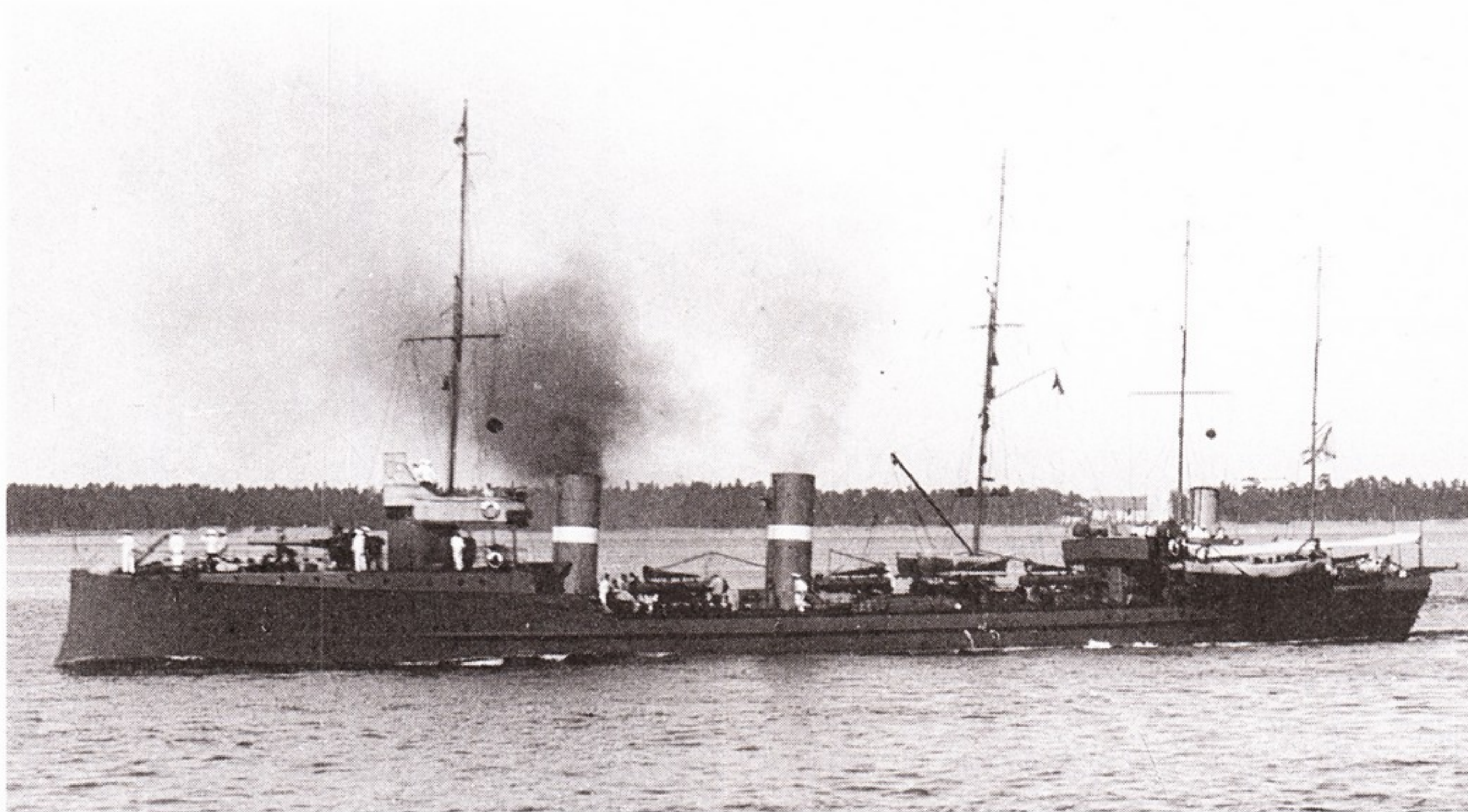

всех частях сложного механизма флота, так как только при этом условии можно будет рассчитывать на результаты, достойные цели».

После этого доклада его имя стало еще более популярным в морских офицерских кругах. 13 апреля 1908 года Колчак был произведен в капитаны 2-го ранга. Но вскоре из-за разногласий с новым морским министром Воеводским Колчак вынужден был оставить Генеральный Штаб.

Некоторое время он читает лекции в Николаевской Морской Академии, а затем при содействии начальника Главного Гидрографического Управления А.И. Вилькицкого решает продолжить полярные исследования, приняв участие в готовящейся экспедиции по исследованию Северного Морского пути на ледокольных транспортах «Таймыр» и «Вайгач». 29 мая 1908 года он был назначен командиром «Вайгача» и наблюдал за постройкой судна; в октябре корабли ушли на Дальний Восток через Индийский океан. 3 июля 1910 года они прибыли во Владивосток и до конца навигации совершили плавание к Берингову проливу и в Чукотское море, проведя комплекс научных исследований. В следующую навигацию «Таймыр» и «Вайгач» должны были пройти Северным Морским путем. Эта экспедиция состоялась, и во время нее было совершено крупнейшее

Эсминец «Пограничник»

географическое открытие XX века – открыта Земля Императора Николая II (впоследствии переименована в Северную), но Колчаку участвовать в этом уже не удалось: в конце 1910 года его вызвали в Петербург.

В 1911-1912 годах Александр Васильевич заведовал 1-м отделением оперативного отдела Морского Генерального штаба. Занимался он деталями судостроительной программы, разработкой нового типа кораблей, подготовкой флота в целом к будущей войне.

В 1912 году А.В. Колчак вернулся в действующий флот и стал командиром эсминца «Уссуриец»; год спустя он получает чин капитана 1-го ранга, и командующий Балтийским флотом адмирал Н.О. Эссен (которого Колчак знал еще по Порт-Артуру) назначает его сперва начальником оперативного отделения (с 9 декабря 1913 года), а затем – флаг-капитаном по оперативной части штаба командующего Морских сил Балтийского моря (с 1 января по 19 декабря 1915 года) и одновременно командиром эсминца «Пограничник» – посыльного судна адмирала. В это время началась Первая мировая (Великая) война.

Естественно, любая война – это трагедия. Но для Колчака как для военного моряка высочайшего класса это была и возможность проверки в действии всего того, над чем он так усиленно работал в мирное время.

На Балтике в Первую мировую

Активных действий – крупных морских сражений между линкорами и крейсерами – на Балтике не велось: германский флот, основное внимание которого было сосредоточено на английских кораблях в Немецком море, здесь ограничивался лишь пассивным наблюдением. Зато именно на Балтийском театре русские моряки проявили себя как лучшие в мире минеры. Минные постановки начались еще за день до официального объявления войны, и активное участие в планировании и проведении этих сложнейших операций принимал Колчак. В начале сентября 1915 года он был назначен исполняющим обязанности командующего Минной дивизией Балтийского флота, а с декабря вступил в эту должность на постоянном основании, будучи одновременно командующим морскими силами Рижского залива.

Во многих операциях Балтийского флота Колчак участвовал лично. Так, еще в феврале 1915 года при его участии силами четырех эсминцев в чрезвычайно тяжелых условиях было поставлено минное заграждение в Данцигской бухте.

Осенью 1915 года тяжелое положение сложилось на правом фланге XII-й армии, особенно в районе мыса Рагоцен, где находился 20-й драгунский Финляндский полк и две ополченские дружины под командованием князя Меликова. В их

распоряжении была лишь одна старая трехдюймовая батарея и две шестидюймовые пушки Канэ с очень скудным запасом снарядов. Получив по телефону просьбу о помощи, Колчак сразу же, несмотря на неблагоприятные погодные условия и сложность навигационной обстановки в Моонзунде и Рижском заливе, принял решение о немедленном выходе кораблей в море. На поддержку вышли линкор «Слава», 9-й дивизион эсминцев и две канонерские лодки. Корабли подошли к мысу Рагоцен, и уже через три минуты после открытия ими огня князь Меликов сообщал по телефону: «Стрельба блестяща, все бежит... дороги залиты кровью». А еще через некоторое время с берега передали, что все назначенные для наступления рубежи заняты без выстрела.

В ночь с 8 на 9 октября был высажен десант у мыса Домеснес, оказавший, впрочем, главным образом моральное воздействие на противника. Долгое время биографы Колчака считали, что он был награжден орденом Святого Георгия IV-й степени именно за организацию этого десанта, однако, по свидетельству старшего лейтенанта Н.Г. Фомина, служившего в 1915-1916 годах в должности старшего флаг-офицера Штаба начальника Минной дивизии, все обстояло несколько иначе. Высочайшее повеление о награждении Колчака было передано по телефону. Оно гласило: «Мне было приятно узнать из донесений командарма [12 командующего XII-й армией] о блестящей поддержке, оказанной армии кораблями под Вашим командованием, приведшей к победе наших войск и захвату важных позиций неприятеля. Я давно был осведомлен о доблестной Вашей службе и многих подвигах. Применительно к статье 36 Георгиевского статута [статья о награждении артиллеристов, которые, находясь под сильным огнем наступающего неприятеля, заставят замолчать его артиллерию и будут способствовать переходу наших войск в наступление. – Н. К.], награждаю вас Св. Георгием 4-й степени. Николай. Представьте достойных к награде». Как писал тот же Фомин, «ночью, когда Александр Васильевич заснул, мы взяли его тужурку и пальто и нашили ему Георгиевские ленточки, а утром прибыл из Ревеля миноносец Службы связи, с которым “всеведущий” Непенин [начальник службы связи

Балтийского флота. – Н. К.] прислал Колчаку снятый с себя свой Георгий».

В 1915 году Колчак был также удостоен ордена Святого Владимира III-й степени с мечами и подарка из Кабинета Его Императорского Величества, а 10 апреля 1916-го он был произведен в контр-адмиралы.

Из операций 1916 года можно отметить неудачный набег на Норчепингскую бухту 13 июня. По данным разведки, полученным через британское посольство в Стокгольме, было установлено, что 5, 10 и 13 июня в Германию на немецких транспортных судах будет отправлено 84 тысячи тонн железной руды. Командование Балтийского флота разработало план уничтожения конвоя.

Был сформирован Отряд особого назначения в составе броненосного крейсера «Рюрик», крейсеров «Олег» и «Богатырь», эсминцев «Новик», «Победитель» и «Гром» 1-го дивизиона и восьми эсминцев 6-го дивизиона. Отрядом командовал начальник 1-й бригады крейсеров контр-адмирал П.Л. Трухачев, эсминцами же начальник Минной дивизии контр-адмирал Колчак. Эсминцы должны были нанести удар, а крейсера – прикрывать их действия. Кроме того, для обеспечения надводных кораблей было развернуто пять подводных лодок у Либавы, Мемеля, острова Готланд и в районе Кальмарзунда.

Капитан 1-го ранга А.В. Колчак – командир Минной дивизии Балтийского флота

В 13 час 30 минут 13 июня Отряд особого назначения снялся с якоря на рейде Люм и, пройдя маяк Утэ, направился в район острова Готланд и Готска-Сандэ. Начальник отряда несколько изменил план набега, решив, что эсминцы «Новик», «Победитель» и «Гром» отделяются от отряда только на меридиане банки Копперстенарне. В 18 час 05 минут отряд вошел в проход между банкой и шведским берегом, после чего 7-й дивизион был отпущен, а остальные эсминцы вышли в дозор впереди по курсу на расстоянии 8 миль. Крейсера шли противолодочным зигзагом. В 22 часа, после пересечения отрядом банки Копперстенарне, эскадренные миноносцы «Новик» (флаг контр-адмирала Колчака), «Победитель» и «Гром» отделились от отряда и, увеличив ход до 25 узлов, направились в Норчепингскую бухту. Ночь была темная, небо покрыто облаками. Крейсера и 6-й дивизион эсминцев в 22 часа 15 минут изменили курс и прекратили зигзаг из-за наступления темноты. Примерно в это время подводная лодка «Гепард» обнаружила и неудачно атаковала конвой, идущий в Швецию.

В 23 часа 15 минут эсминцы обнаружили впереди по курсу дымы и еще через четверть часа нагнали конвой, шедший из Швеции вдоль берега на юг. Конвой состоял из 12-14 транспортов, вспомогательного крейсера «Герман» (бывший коммерческий пароход) и нескольких небольших эскортных кораблей.

Русские эсминцы, имея трехкратное преимущество в скорости, могли легко обойти конвой, отсечь ему путь к шведским территориальным водам, атаковать его со стороны берега и подставить транспорты под удар крейсеров, находившихся мористее. Именно такой маневр рекомендовал Колчаку начальник Отряда особого назначения контр-адмирал Трухачев. Однако начальник Минной дивизии, опасаясь, что конвой мог оказаться шведским, приказал сделать предупредительный выстрел впереди по курсу концевое судна. Но едва перед носом последнего судна разорвался второй снаряд, немецкие эскортные корабли открыли огонь по русским эскадренным миноносцам и смело начали с ними сближаться. Транспорты, получив сигнал ракетами, бросились к берегам Швеции. «Новик» безуспешно выпустил по уходящим судам две торпеды, а вскоре пришлось прекратить и артиллерийский огонь, так как германские суда уже были в территориальных водах нейтральной Швеции. После

этого Колчак приказал повернуть на северо-запад, чтобы не потерять из виду корабли конвоя. В 23 часа 38 минут русские эсминцы открыли огонь по кораблям охранения, добившись накрытия со второго залпа. Но немецкие миноносцы поставили дымовую завесу и также укрылись в шведских территориальных водах. Не успел уйти только вспомогательный крейсер «Герман». Примерно через полчаса после начала боя он был потоплен огнем и торпедами «Новика» и «Грома».

Задача уничтожения неприятельских транспортов выполнена не была. Главной причиной этого был тот факт, что быстроходные эсминцы не выполнили маневр отсечения транспортов от шведского берега, а также в том, что не было достигнуто взаимодействия между эскадренными миноносцами и крейсерским отрядом. Впрочем, нужно отметить, что после набега на Норчепингскую бухту Германия на длительное время прекратила перевозки из Швеции.

Во главе Черноморского флота

28 июня произошло неожиданное для Александра Васильевича Колчака событие: он был произведен в вице-адмиралы и назначен командующим Черноморским флотом (до него этот пост занимал адмирал А.А. Эбергард). Случай, когда контр-адмирал с выслугой в два с половиной месяца был произведен в следующий чин, стал уникальным в истории Русского Флота.

После получения нового назначения Колчак через Петроград проехал в Могилев, где находилась Ставка Верховного Главнокомандующего. Адмирал совещался с Начальником Штаба Верховного, генералом М.В. Алексеевым, и самим Верховным Главнокомандующим – Императором Николаем II – о планах войны, роли в ней Черноморского флота, подготовке операции по захвату Босфорского пролива.

В ночь с 6 на 7 июля Александр Васильевич вступил в командование флотом. Уже через три дня, подняв свой флаг на линкоре «Императрица Мария», он вышел в море на перехват германотурецкого крейсера «Бреслау». Помимо «Императрицы Марии» в погоне принимали участие крейсер «Кагул», эсминцы «Счастливый», «Дерзкий», «Гневный», «Беспокойный» и «Пылкий». Встретив «Бреслау» в 14 часов 9 июля, русские

Вице-адмирал А.В. Колчак – командующий Черноморским флотом

корабли начали преследование, которое продолжалось до глубокой ночи. «Бреслау» несколько раз вступал в боевое соприкосновение с линкором «Императрица Мария» и эсминцами. Уходить от погони неприятелю помогло впервые примененное германцами на Черном море средство – дымовая завеса. В итоге, пользуясь преимуществом в скорости, германо-турецкий крейсер сумел уйти в Босфор. По свидетельству современного историка флота Д.Ю. Козлова, у командующего флотом был реальный шанс перехватить «Бреслау» в предпроливной зоне с помощью эсминцев, имевших 5-7 узловое преимущество в скорости. Но Колчак, осуществлявший непосредственное командование каждым кораблем (несмотря на то, что при выходе присутствовали и начальник Минной бригады и командир дивизиона эсминцев), находился на линкоре «Императрица Мария», который отстал от основных сил. Из-за этого командующий флотом не владел тактической обстановкой и потерял управление эсминцами. Впрочем, выводы из неудачного опыта атаки «Бреслау» Колчак сделал довольно быстро. Вскоре был разработан план «операции флота в случае выхода в море неприятельских крейсеров», а в декабре 1916 года флот произвел учебное маневрирование, имитирующее атаку германо-турецких кораблей. Однако упомянутое крейсерство «Бреслау» оказалось последним рейдом вражеских кораблей на Черном море.

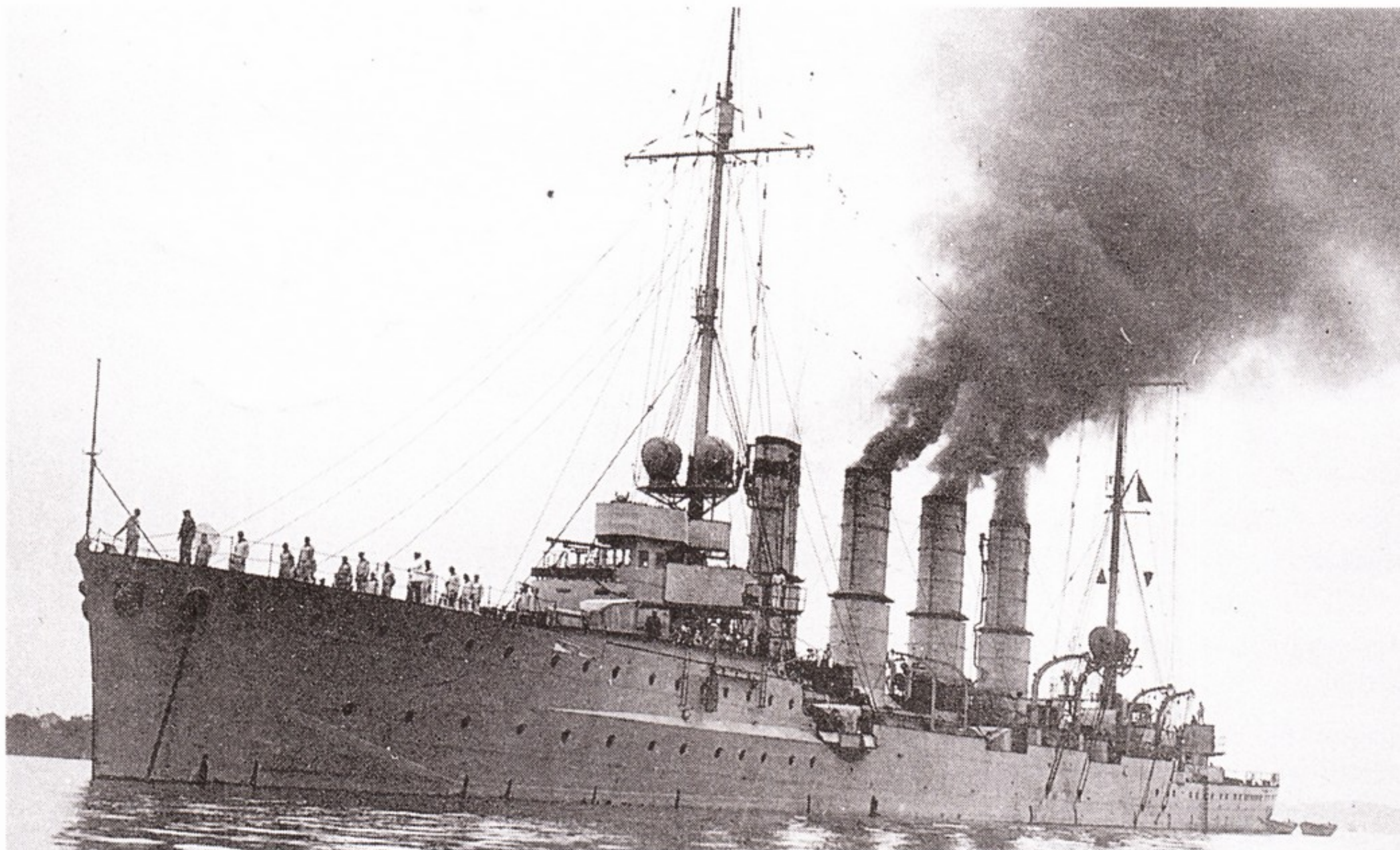
Дальнейшая морская война свелась, как и на Балтике, преимущественно к минным постановкам. Во вражеских водах было выставлено более 2 000 мин, на которых подорвался ряд турецких кораблей, а остальной флот противника был блокирован и лишен возможности морских перевозок. Единственной крупной потерей с русской стороны была гибель при невыясненных до сих пор до конца обстоятельствах линейного корабля «Императрица Мария», взорвавшегося 7 октября на Севастопольском рейде.

На лето 1917 года намечалась десантная операция, целью которой был захват Босфора и Дарданелл и разрешение ключевой для России геополитической «проблемы проливов». Однако выполнение этой задачи было мало осуществимо по следующим причинам: отдаленность баз, откуда

могла быть произведена высадка русских частей (из-за этого же было невозможно организовать длительную морскую блокаду турецких берегов); недостаточное количество транспортных средств, предназначенных для высадки; невозможность занятия промежуточной базы (Анатолийский берег для этой цели был непригоден, а на Европейском берегу требовалась высадка значительного десанта, что было трудно по указанным выше причинам). Но главным фактором, помешавшим осуществлению военных планов, стал Февральский переворот 1917 года и последовавшие за ним события.

Германо-турецкий крейсер «Бреслау», сентябрь 1914 г.

Известие о событиях в столице вице-адмирал Колчак получил в Батуме, во время совещания с Главнокомандующим Кавказским фронтом Великим Князем Николаем Николаевичем. 2 марта Колчак издал приказ по Черноморскому флоту, который призывал всех чинов флота сохранять спокойствие и выполнять свой долг перед Государем Императором и Родиной. Александр Васильевич не стал посылать Государю телеграмму с предложением отречься от престола, как это сделали Великий Князь Николай Николаевич, остальные Главнокомандующие фронтами и адмирал А.И. Непенин (возглавивший в 1916 году Балтийский флот). Однако позже Колчак поставил генерала Алексеева в известность, что предложение командующих фронтами принял безоговорочно. Говоря о своих политических взглядах, адмирал признавал впоследствии, что он относился к монархии «...как к существующему факту, не вдаваясь в отношении к ней по существу, и считал себя, как военный, обязанным выполнять принятую присягу ни к существующей династии, и царствовавшему императору Николаю II». Главным для него было – приносить пользу России, находясь на своем посту. Именно поэтому во Временном Правительстве Колчак

первоначально увидел силу, способную спасти страну от падения в пропасть. В 1920 году на допросе в Иркутске он сказал: «...до Февральской революции 1917 года [я] считал себя монархистом. ...Я приветствовал революцию, как гарантию возможности подъема энтузиазма в народе и в армии, и этим самым возможности довести войну до победного конца, ибо уже перед революцией для меня стало ясно, что монархия к такому победному концу привести не может – вернее, не монархия, а создавшийся при ней у нас в России государственный порядок, и что должно произойти в создавшемся положении какое-либо изменение». При этом участие в политической жизни было Колчаку непривычно и неприятно. Вот строки из его письма к А.В. Тимиревой от 11 марта 1917 г.: «Лишний раз я убедился, как легко овладеть истеричной толпой, как дешевы ее восторги, как жалки лавры ее руководителей, и я не изменил себе и не пошел за ними. Я не создан быть демагогом – хотя легко бы мог им сделаться, – я солдат, привыкший получать и отдавать приказания без тени политики, а это возможно лишь в отношении массы организованной и приведенной в механическое состояние. Десять дней я занимался политикой и чувствую глубокое к ней отвращение, ибо моя политика – повеление власти, которая может повелевать мною. Но ее не было в эти дни, и мне пришлось заниматься политикой и руководить дезорганизованной истерич-

ной толпой, чтобы привести ее в нормальное состояние и подавить инстинкты и стремление к первобытной анархии.

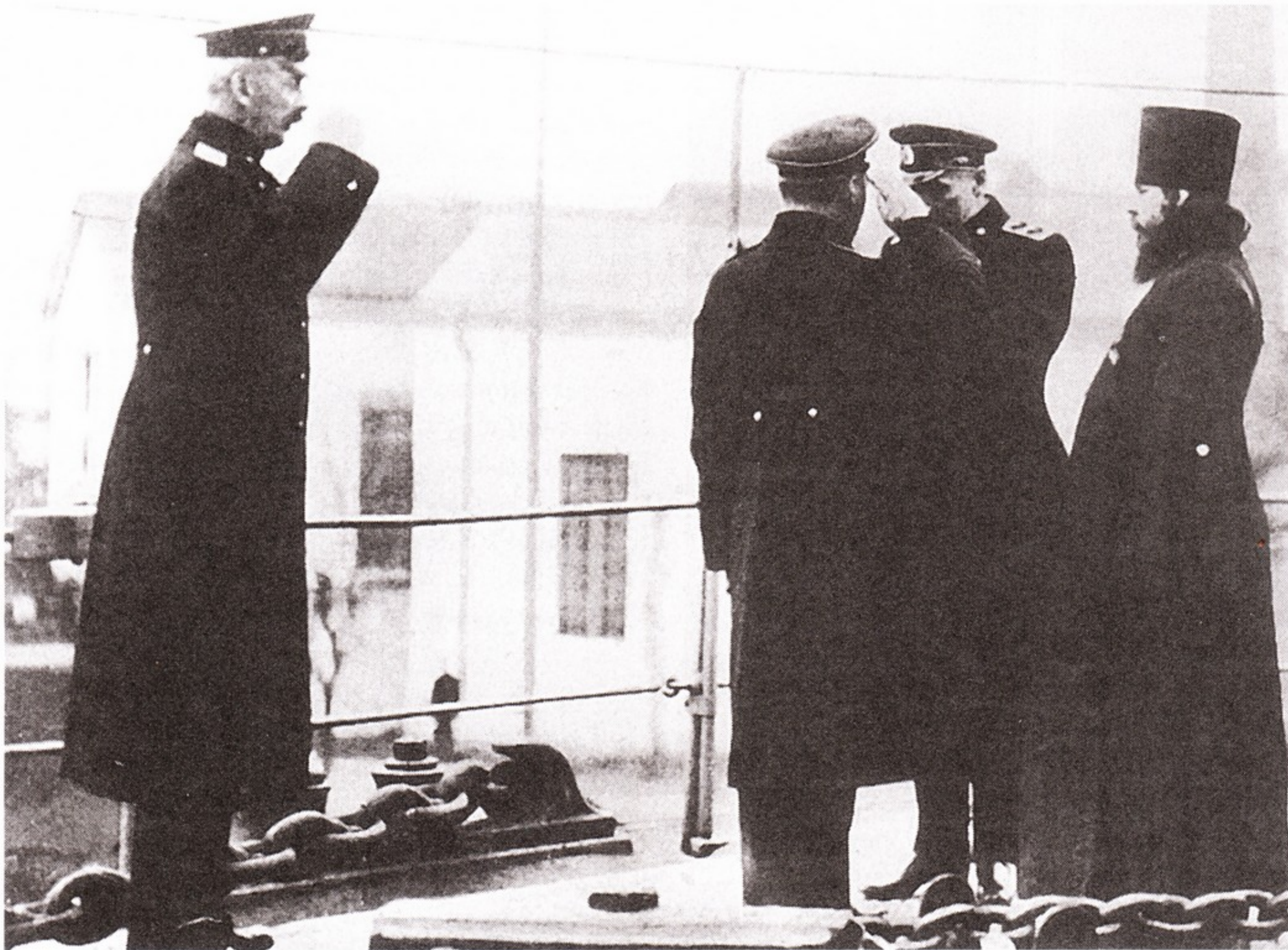
Теперь я в море. Каким-то кошмаром кажутся эти 10 дней, стоивших мне временами невероятных усилий, особенно тяжелых, т[ак] к[ак] приходилось бороться с самим собой, а это хуже всего. Но теперь, хоть на несколько дней, это кончилось, и я в походной каюте с отрядом гидрокрейсеров, крейсеров и миноносцев иду на юг».

В апреле А.В. Колчак побывал в Петрограде, где выступил с докладом об оперативной и политической обстановке на Черном море перед председателем Совета министров князем Г.Е. Львовым и приехавшим в столицу генералом Алексеевым, встречался с военным и морским министром А.И. Гучковым и другими политическими деятелями. Стал он и свидетелем принятия «Декларации прав солдата» — документа, способствовавшего деморализации армии. Поездка дала Колчаку возможность ознакомиться с общей обстановкой в стране и расстановкой политических сил, и по возвращении в Севастополь он 25 апреля выступил с речью перед Офицерским союзом Черноморского флота и собранием делегатов армии, флота и рабочих, стараясь убедить аудиторию, в

первую очередь моряков, в невозможности немедленного прекращения войны и необходимости сохранить вооруженные силы — тем более что на фронте к этому времени уже активно шло «братание» с немцами, а по Кронштадту прокатились волной убийства офицеров. В заключение своего выступления вице-адмирал Колчак отметил следующее: «Какой выход из этого положения, в котором мы находимся, который определяется словами “Отечество в опасности”, я скажу более — “Отечество в критическом положении!”»

Этот выход лежит в сознании этой опасности и необходимости всем, кто имеет силу смотреть ей в глаза, объединиться во имя спасения Родины. Это объединение должно быть выражено в форме искреннего признания Временного правительства как Верховной власти. Как представители вооруженной силы мы должны признать единственно верной формулу: “Наша политика есть повеления этой Верховной власти” — и явиться надежной опорой для нее.

Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак вручает Георгиевское оружие мичману Н.А. Монастыреву, 1916 г.

Вице-адмирал Колчак в морской форме, со знаками различия утвержденными при Временном правительстве, 1917 г.

Первая забота – это восстановление духа и боевой мощи тех частей армии и флота, которые ее утратили, это путь дисциплины и организации, а для этого надо прекратить немедленно доморощенные реформы, основанные на самомнении и невежестве. Надо принять формы дисциплины и организации внутренней жизни, уже существующие у наших союзников. Это есть единственно правильное разрешение вопроса.

Надо отказаться и, по крайней мере, сократить самомнение незнания и признать, что Правительство гораздо лучше нас понимает многие вопросы государственной жизни и в вопросах международной политики МИД гораздо более осведомленнее митинговых ораторов».

До начала июня Черноморский флот, несмотря на активные действия большевистских агитаторов и многочисленные митинги, сохранял боеспособность. Происходило это во многом благодаря личному авторитету адмирала, его влиянию на матросские массы. Вот как вспоминал об этом А.И. Гучков: «Он [Колчак] с самого начала понял фатальность этой войны, как-то личным соприкосновением с матросскими массами внушил им доверие к себе в том смысле, что он не представитель реакционных течений, желающих повернуть назад. Он быстро признал новое положение ве-

щей, очень охотно пошел на бытовые изменения в матросской среде и чрезвычайно быстро получил доверие матросских масс. Этим он так долго держался. Он сделал ряд других уступок второстепенного характера, не выпуская из рук основ, этим сразу вселив доверие к себе». Немалую поддержку оказывал ему и капитан 1-го ранга М.И. Смирнов – исполняющий обязанности начальника Штаба флота, знавший Колчака еще со времен обучения в Морском корпусе, а впоследствии прошедший с ним всю эпопею Белого движения в Сибири в должностях управляющего Морским министерством и командующего Речной боевой флотилией. Но после того как 6 июня Севастопольский Совдеп вынес постановление об отрешении от должностей Колчака и Смирнова и разоружении офицеров, Александр Васильевич счел для себя невозможным дальше командовать флотом.

Когда же матросы попытались отобрать его Золотое оружие – саблю, полученную за отличия в русско-японской войне, – Колчак совершил поступок, вошедший в легенду. По рассказу одного из очевидцев, он собрал команду своего флагманского корабля – линкора «Георгий Победоносец» – и произнес речь, в которой заявил, что подчиняется решению о сдаче оружия, но считает нужным сообщить, что даже японцы в Порт-Артуре не взяли его заслуженную в боях Георгиевскую саблю. С этими словами адмирал снял свое оружие и бросил его в море. Однако красивая легенда обрастает массой домыслов, например о том, что адмирал якобы переломил саблю через колено или что позже она была выловлена из воды и возвращена Колчаку. Вызывает некоторые сомнения и упоминание о благородстве японцев, противопоставленных Совдепу: ведь наградное оружие Александр Васильевич получил уже после возвращения из плена. Георгиевское Оружие все же вернулось к нему, но в виде кортика, поднесенного адмиралу Союзом офицеров Армии и Флота при следующем адресе, очень тронувшем Колчака:

«Глубокоуважаемый Александр Васильевич! Пользуясь случаем поднесения Вам от имени союза офицеров армии и флота оружия храбрых,

дань наивысшего воинского уважения, просим принять наш искренний привет и выражение чувства глубокого уважения и признательности за Ваш мужественный и истинно гражданский поступок, который должен служить примером для всех воинов нашей дорогой, горячо любимой свободной Родины».

Миссия в Америку

После всего случившегося Колчак послал телеграмму Керенскому, где, вкратце изложив обстановку, сообщил о невозможности продолжать службу в такой обстановке, и передал командование контр-адмиралу В.К. Лукину. В ответной телеграмме министр-председатель А.Ф. Керенский в резких словах отчитал команды кораблей за их «враждебные Революции и Родине» действия и приказал Колчаку и Смирнову прибыть для доклада в Петроград.

Выслушав обоих, члены Временного Правительства отпустили их, не приняв никакого решения. Но для себя А.В. Колчак решил, что командовать флотом он больше не будет. Существуют упоминания о возглавлении им «военного отдела

Республиканского национального центра» – контрреволюционной организации, принявшей затем «корниловскую» ориентацию. Но вскоре адмирал получил приглашение от морской группы американской военной миссии в России побывать в Соединенных Штатах с целью обмена опытом в области минного дела и возможного участия в операциях американского флота. Помимо желания ознакомиться с новинками военной техники у Колчака была и тайная мысль продолжить борьбу на другом фронте, коль скоро его лишили возможности воевать за свою Родину в рядах ее солдат.

М.И. Смирнов приступил к формированию «Русской морской комиссии в Американском флоте», как стала называться группа морских офицеров, отправляющихся в Америку. Кроме Колчака и Смирнова в нее вошли капитан 2-го ранга Д.Б. Колечицкий, старшие лейтенанты В.В. Безуар и А.М. Мезенцев, лейтенант И.Э. Вуич,

*Члены русской морской миссии в США, 1917 г.
Вверху (слева направо): старший лейтенант В.В. Безуар и лейтенант В.С. Макаров. Рядом с Колчаком – капитан 1 ранга М.И. Смирнов*

Вице-адмирал Колчак вместе с американскими офицерами на борту линкора «Пенсильвания» в период пребывания в Соединенных Штатах Америки, 1917 г.

сторонне изучали уставы военно-морского флота США, особенно те части, которые рассматривали поддержание дисциплины, а также практические методы ее сохранения на нашем флоте.<...> Начальник штаба капитан 1-го ранга Смирнов сделал очень интересное сообщение о проведении штабных учений на российском флоте и функциональных обязанностях штаба и его начальника.<...> Во время посещения военно-морского колледжа адмирал Колчак особое внимание уделил принципам построения и основным типам кораблей, которые, по его мнению, наиболее присущи флоту Соединенных Штатов, учитывая наши стратегические и тактические потребности...». Но, ознакомившись с американским флотом, выступить в войне на стороне Соединенных Штатов адмирал не счел нужным, убедившись, что «Америка ведет войну только с чисто своей национальной точки зрения – ради рекламы».

После получения из России известий об Октябрьском перевороте члены комиссии решили немедленно ехать на родину; еще в Америке Александр Васильевич получил и телеграмму с предложением баллотироваться в Учредительное Собрание по Черноморскому флотскому избирательному округу от Севастопольской организации партии народной свободы и примыкающих беспартийных, на которое ответил согласием (впрочем, телеграмма Колчака опоздала на два часа). В первой половине ноября моряки прибыли в Иокогаму, где Колчак распустил комиссию (нужно отметить, что впоследствии большинство ее членов встало под знамена белых), сам же задержался в Японии для выяснения обстановки.

Естественно, что правительство большевиков он признать не мог, хотя бы за то, что они стремились к заключению сепаратного и невыгодного для России мира. Колчак хотел продолжить войну в рядах британской армии и даже добился назначения на Месопотамский фронт, куда и отправился в начале января 1918 года, однако по дороге, будучи в Шанхае, получил телеграмму от русского посланника в Пекине князя Н.А. Кудашева с просьбой прибыть к нему по очень важному делу. Первоначально адмирал ответил отка-

адъютантом адмирала стал лейтенант Вадим Степанович Макаров, сын погибшего в 1904 году адмирала С.О. Макарова. Комиссия выехала из Петрограда 27 июля. По дороге в Америку она побывала в Лондоне, где Колчак встретился с русским послом К.Д. Набоковым и Первым Лордом Адмиралтейства адмиралом Желлико, проконсультировав последнего по вопросам применения минного оружия. В Соединенные Штаты члены миссии прибыли 10 сентября.

В 1921 году в своей докладной записке, адресованной министру военно-морского флота США, контр-адмирал Н.А. Маккалли описывал некоторые подробности визита русских моряков в Америку. «Во время пребывания в Соединенных Штатах русская морская миссия была принята морским министром и другими официальными лицами, посетила главную морскую верфь, провела две недели в военно-морском колледже [в Ньюпорте, штат Род-Айленд] от которого русские пришли в восторг; в заключение визита – совершили недельное плавание на нашем Атлантическом флоте... <...> Русские основательно и все-

зом, считая себя связанным обязательствами перед англичанами. Но в начале марта, во время стоянки в Сингапуре, выехать в Пекин Колчаку рекомендовал уже Разведывательный отдел английского Генерального Штаба, и в конце месяца Александр Васильевич встретился с Кудашевым, который предложил ему заняться формированием антибольшевистских вооруженных подразделений в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги. «Против той анархии, которая возникает в России, – сказал Кудашев адмиралу, – уже собираются вооруженные силы на Юге России, где действуют добровольческие армии генерала Алексеева и генерала Корнилова (тогда еще не было известно о его смерти). Необходимо начать готовить Дальний Восток к тому, чтобы создать здесь вооруженную силу для того, чтобы обеспечить порядок и спокойствие на Дальнем Востоке». На это Колчак сразу же согласился, увидев реальную возможность послужить Родине.

...Но прежде, чем переходить к рассказу об участии А.В. Колчака в Белом движении, необходимо сказать несколько слов о человеке, сыгравшем весьма значительную роль в жизни адмирала – Анне Васильевне Тимиревой. Познакомился с ней Александр Васильевич в начале 1915 года. Анна Васильевна была супругой капитана 1-го ранга С.Н. Тимирева, бывшего в тот период флаг-капитаном по распорядительной части Штаба Балтийского флота. Во время Гражданской войны, с ноября 1918 по июль 1919 года, Тимирев командовал Морскими Силами Дальнего Востока, подчиненными Верховному Правителю адмиралу Колчаку, а скончался в 1932 году в Шанхае. Его бывшей жене довелось пережить его на 43 года...

Первоначально Колчаки и Тимиревы дружили домами, Анна Васильевна была в хороших отношениях с женой Колчака – Софией Федоровной. Позже дружба между Колчаком и Тимиревой переросла в нежную и пламенную любовь, которую оба сохранили до самой смерти. Когда союзники предали Верховного Правителя и он был арестован, Анна Васильевна добровольно пошла в заключение вслед за ним. После того, как Колчак был убит большевиками, она еще более полугода находилась в заключении, а после недолгого пребывания на свободе, еще через полгода, была арестована вторично. Начались ее хождения по мукам в самом буквальном смысле слова. Реабилити-

Анна Васильевна Тимирева, 1917 г.

тирована Анна Васильевна была лишь в 1960 году, а скончалась она 15 лет спустя в Москве.

Стоит сделать и немаловажное дополнение к портрету Колчака. По свидетельству одного из сослуживцев, Александр Васильевич был очень верующим, православным человеком; его характер был живой и веселый (последнее, впрочем, больше относится к дореволюционному периоду его жизни), но с довольно строгим и даже аскетически-монашеским мировоззрением. У него были духовные наставники-монахи, и, будучи командующим Черноморским флотом, он навещал одного старца (имя его, к сожалению, неизвестно), подвизавшегося в Крыму. Вероятно, черты религиозности были заложены в нем матерью, Ольгой Ильиничной, которая была очень набожна.

На Дальнем востоке

Но вернемся к жизнеописанию адмирала. Построенная в 1887-1903 годах Китайская Восточная железная дорога связывала Сибирь и Забайкалье через Маньчжурию с Владивостоком (Великая сибирская железнодорожная магистраль была окончательно достроена лишь в 1916 году) и с начала века охранялась подразделениями пограничной стражи в составе Особого Заамурско-

Генерал-лейтенант Д.Л. Хорват

го округа в Маньчжурии. Управление дорогой, расположенное в Харбине, возглавлял генерал Д.Л. Хорват. С приходом к власти большевиков он был отстранен от должности Управляющего, и руководство дорогой было передано Харбинскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Уже 25 декабря силами китайских войск большевистская власть была ликвидирована, большевизированные подразделения высланы в Россию, а управление дорогой вновь передано Хорвату. Так как правление дороги находилось в Петрограде, для непосредственного решения возникавших вопросов на месте генерал Хорват решил создать «свое» правление КВЖД, в состав которого вошел и адмирал Колчак, назначенный начальником охраны.

В это же время в полосе отчуждения КВЖД находилось и так называемое Временное Правительство Автономной Сибири во главе с эсером П.Я. Дербером, бежавшее от большевиков из Томска. По словам Колчака, «в этом правительстве министерские посты были распределены, но фактически деятельность этого правительства ни в чем не выражалась, члены его жили как частные люди; помещались они в вагонах на ст[анции] Харбин».

Достаточно серьезной силой были отряды под командованием различных казачьих офицеров, наибольшей известностью среди которых пользовались Г.М. Семенов и И.П. Калмыков. Помимо них в полосе отчуждения существовали и другие более мелкие подразделения, о которых впоследствии Колчак говорил: «Все отряды возникли совершенно самостоятельно, и, действуя независимо от какой-либо общей власти, в то же время действовали независимо друг от друга; мало того, между ними, как, например, между семеновским и орловским, была рознь – враждебные отношения. Моей задачей было объединить все эти отряды и подчинить одной власти, именно моей, как командующего войсками в полосе отчуждения Восточно-Китайской ж[елезной] д[ороги] и местах, к ней прилегающих». Активную поддержку всем этим отрядам оказывали иностранные державы – Англия, Франция и особенно Япония.

В те месяцы адмирал занимался составлением разного рода смет, наблюдал за ремонтом казарм, закупкой фуража, решал другие хозяйственные вопросы. В его ведении находились и вопросы закупки оружия у японцев. Но когда он прибыл с этим списком к генералу Накашиму, возглавлявшему японскую военную миссию в Харбине, тот сообщил Колчаку, что много оружия Япония предоставить не может, а также потребовал за оружие некую компенсацию, намекая на более тесное сотрудничество. «...на что я ответил, что на переговоры о компенсациях я не уполномочен и вообще предполагал, что снабжение оружием будет происходить с денежной оплатой его», – говорил на допросе Колчак. Визит кончился ничем, и это в значительной степени настроило генерала Хорвата против адмирала.

Александр Васильевич вновь обратился к деятельности по укреплению своих вооруженных сил, выведя их из Харбина и попытавшись укрепить контакт с командованием различных мелких отрядов. Он начал организовывать флотилию на реке Сунгари. Все эти действия не могли не вызывать недовольства китайцев.

В конце апреля – начале мая в Пекине состоялось совещание членов правления Русско-Азиатского банка и Общества КВЖД. На нем под видом нового правления дороги было образовано

русское эмигрантское правительство Хорвата (вскоре генерал открыто провозгласит себя Временным Верховным Правителем России, не имея, впрочем, в своем распоряжении серьезных сил). Колчак возглавил его «военное ведомство». На совещании адмирал выступил с докладом, в котором говорил о плане вступления с оружием в руках на территорию России, оккупированную большевиками. Эту операцию предполагалось произвести с двух направлений: со стороны Забайкалья и со стороны Приморья. По расчетам Колчака, для осуществления этого плана ему необходимо было 17 тысяч штыков и сабель. С таким проектом соглашались и иностранные союзники – Англия, Франция и Япония. Но реализовать его в полной мере не удалось.

Позиция, занятая настроенным на самостоятельные действия атаманом Семеновым, заставила адмирала сделать вывод о невозможности создать серьезную военную силу на КВЖД и о том, что единственное место, откуда можно начинать развертывание, – это Владивосток. Но против этого выступали японцы, которые готовились к интервенции и для которых создание в Приморье русских вооруженных сил было крайне нежелательно. Они настаивали на передаче всех вооруженных сил в распоряжение действовавшего в Забайкалье Семенова.

В итоге деятельностью Колчака оказались недовольны все: японцы, атаман Семенов, да и Хорват, поддерживавший их политику. Кроме того, японские агенты вели подрывную работу в войсках, подчиненных Колчаку: переманивали солдат и офицеров в отряды Семенова и Калмыкова, мешали нормальной работе. Нередко речь шла и об угрозе личной безопасности адмирала.

В результате всего этого Колчак при активном содействии Хорвата, стремившегося избавиться от неугодного ему человека, решил поехать в Токио, дабы решить вопросы о дальнейших совместных действиях с начальником японского Генерального Штаба. Передав командование войсками генералу Б.Р. Хрещатицкому, в начале июля 1918 года Колчак уехал в Японию.

Там Александр Васильевич встретился с помощником начальника Генерального Штаба генералом Танакой. Вместо конкретного ответа на во-

прос, можно ли в дальнейшем рассчитывать на помощь Японии в борьбе с большевиками, Танака предложил Колчаку остаться в Японии – поправить здоровье. Поняв, что возвращаться в Харбин бесполезно (тем более что Хорват уже подписал приказ о его увольнении), Колчак предложение принял.

В Японию вместе с Колчаком отправилась и Анна Васильевна Тимирева. Ранее она приезжала к Колчаку в Харбин, решила было вернуться к мужу во Владивосток, но, не выдержав долгой разлуки с любимым человеком, приняла решение последовать за ним.

Колчак и Тимирева жили в Иокогаме, часто бывая в небольшом курортном местечке Атами, расположенном к юго-западу от города на берегу залива Сагами. Адмирал с большим вниманием следил за развитием событий в России, где полным ходом развивалась активная антибольшевистская борьба (на Юге сражалась Добровольческая Армия, на Востоке развернулось выступление Чехословацкого корпуса и местных офицерских организаций, на Волге создавалась Народная Армия). Колчак размышлял, где именно он мог бы принести наибольшую пользу Родине. Важную роль для него сыграла встреча с анг-

А.В. Колчак в форме Охранной стражи КВЖД, 1918 г.

лийским генералом А. Ноксом, возглавлявшим «Русский отдел» британского военного министерства. Нокс сообщил адмиралу, что Англия готова оказать помощь в воссоздании русской армии в Сибири. Колчак, в свою очередь, составил для Нокса подробный доклад, в котором описывал политическую и военную ситуацию на Востоке России. После этого английский генерал написал в одном из докладов в Лондон: «...нет никакого сомнения в том, что он [Колчак. – Н. К.] является лучшим русским для осуществления наших целей на Дальнем Востоке», что стало для различных советских историков поводом утверждать, что с этого момента адмирал стал действовать по указке англичан. Но этому нет никаких реальных доказательств, и речь может идти лишь о видах британской дипломатии на Колчака и взаимовлиянии Колчака и Нокса.

В середине сентября Колчак отправился во Владивосток в компании генерала Нокса и французского посла Реньо. Первоначально Александр Васильевич надеялся пробраться на Юг России, к генералу Алексееву, а также попытаться найти свою семью, остававшуюся в Севастополе.

Путь к власти

К сентябрю территория Сибири полностью находилась под контролем чехословацких и белогвардейских формирований, а на Дальнем Востоке присутствовали и части союзных России держав. Большевики расформировали свои войска и перешли к партизанским формам борьбы. Во Владивостоке в этот момент существовало два правительства, претендующих на верховную власть, – «Временное Правительство Автономной Сибири» Лаврова и Дербера и «Деловой кабинет» Хорвата. Но их репутация как среди русских, так и среди союзников была крайне невысока.

Военные и деловые круги Сибири и Дальнего Востока возлагали все больше надежд на существовавшее в Омске Временное Сибирское Правительство, считавшее себя верховной властью в Сибири с июня 1918 года. В состав его входили как эсеры, так и представители конституционно-

демократических и даже умеренно-монархических кругов. Председателем правительства был П.В. Вологодский, бывший член Государственной Думы, адвокат по профессии, не имевший определенной политической принадлежности. В сентябре в Уфе открылось Государственное совещание, ставившее своей целью создание временной общероссийской власти, однако Вологодский отправился не туда, а во Владивосток, так как считал гораздо более важным добиться поддержки союзников и распространить власть «своего» правительства и на дальневосточные территории. Ему удалось достичь взаимопонимания с Колчаком, атаманом Семеновым и офицерским корпусом Сибирской и Амурской флотилий. Подчинились Сибирскому Правительству и дальневосточные правительства.

Тогда же Колчак встретился и с одним из видных командиров чешских войск – Р. Гайдой, который сообщил ему, что вся Транссибирская магистраль очищена от большевиков и чехи готовы к продолжению борьбы с большевиками. Охарактеризовав общую обстановку в Сибири, Гайда заявил, что считает наилучшей формой государственного управления военную диктатуру. Колчак

Генерал-майор Я. Сыровы

Генерал-майор Р. Гайда

же ответил чеху, что диктатура невозможна без наличия мощных вооруженных сил.

3 октября при содействии офицеров чешского штаба Колчак отправился в Омск, надеясь затем перебраться на Юг России. 14 октября адмирал вместе с сопровождающими его морскими офицерами прибыл в сибирскую столицу, где нанес визиты представителям новой «всероссийской власти» – Директории: встретился с Главнокомандующим ее войсками генералом В.Г. Болдыревым, пробравшимся с Юга через Москву и Саратов Генерального Штаба полковником Д.А. Лебедевым, членами Директории Авксентьевым, Зензиновым (оба – правые эсеры) и Виноградовым (кадет). С Болдыревым Колчак встречался два раза, причем во второй раз генерал предложил ему принять пост военного и морского министра. Колчак первоначально отказался, но Болдырев настоял на своем, согласившись принять условия Колчака: освобождение от должности в случае, если она не устроит адмирала, и разрешение объехать войска на фронте для выяснения их нужд. Через несколько дней состоялась еще одна встреча Болдырева и Колчака, на которой присутствовал и генерал Нокс. На встрече обсуждались основные вопросы военного строительства на территории Сибири.

Колчаку приходилось теперь и присутствовать на заседаниях Совета министров, где у него вызывали раздражение два факта: «вмешательство чехов в наши внутренние дела» и то, что в Совете вместо нормальной работы больше всего занимались политической борьбой. После одного из заседаний Александр Васильевич решил снять с себя министерские полномочия, и Авксентьеву удалось уговорить его остаться, лишь пообещав немедленно пересмотреть функции военного и морского министра. На решение Колчака остаться в занимаемой должности повлияло также известие о смерти 8 октября в Екатеринодаре генерала М.В. Алексеева. Кабинет министров Директории был окончательно сформирован лишь 3 ноября.

Вскоре адмирал подготовил обстоятельное письмо генералу А.И. Деникину. В письме он дал характеристику только что образованных Директории и ее Совета министров. 8 ноября Колчак

выехал на фронт. Его сопровождал только что прибывший в Омск английский Мидлсекский батальон под командованием полковника Дж. Уорда. С военным министром следовали капитан А. Апушкин, имевший поручение доставить письмо Деникину и связаться с семьей Александра Васильевича в Севастополе, и представители союзников. 9 ноября Колчак прибыл в Екатеринбург, где состоялся парад войск, а на другой день посетил штаб Сибирской Армии. Командующий армией генерал Р. Гайда и чешский командующий генерал Я. Сыровой ознакомили его с обстановкой на фронте.

После осеннего наступления Красной Армии русские и чешские войска оказались далеко отброшенными от Волги на восток. На северном участке линия фронта проходила восточнее Перми и Кунгура, на среднем участке – между Уфой и Бугульмой, на южном – западнее Оренбурга и Уральска. В штабе разрабатывалось наступление Сибирской Армии на Пермь, которое являлось частью стратегического плана прорыва красного фронта в направлении Пермь – Вятка – Котлас, на соединение с Белыми и союзными войсками на Севере России. Сторонниками этой идеи были

Генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев

англичане, стремившиеся заменить протяженный путь снабжения сибирских войск через Владивосток более короткой северной коммуникацией через Архангельск.

Затем Колчак отправился в армейскую группировку генерала А.Н. Пепеляева. Адмирал объезжал прифронтовые части, беседовал с командирами полков, выяснял их потребности в людских резервах, вооружении, снарядах, патронах, охотно поддерживал разговоры офицеров о внутриполитическом положении Сибири и России вообще. При этом большая часть офицеров, в том числе и сам Пепеляев, высказывали недоверие к Директории и мысль о том, что власть должна принадлежать военным. Александр Васильевич побывал на передовых позициях, после чего, оставшись довольным Сибирской Армией, выехал в Челябинск. В челябинском штабе генерал Сыровой познакомил адмирала со своим начальником штаба, русским генералом М.К. Дитерихсом. Здесь же Колчак нанес визиты членам Чешского Национального Совета, а затем отправился на фронт под Уфу, находившуюся под угрозой удара войск советской 5-й армии.

Встретившись между Курганом и Петропавловском с поездом генерала Болдырева, Колчак

узнал тревожные новости о событиях в Омске. После отъезда адмирала на фронт в городе получила хождение прокламация, содержащая призыв эсеровского ЦК создавать вооруженные партийные отряды на случай необходимости противостоять монархически настроенному офицерству. Призыв, автором которого был один из лидеров социал-революционеров В.М. Чернов, вызвал бурю возмущения у офицеров фронта и тыла, и Болдырев далее собирался арестовать Чернова. Арест отсрочил Авксентьев, понимавший опасность провокационного призыва. Серьезно одернул эсеров и Нокс, предупредивший, что при такой их тактике Англия откажет им в помощи. Еще более шатким стало положение Директории, на которую было направлено основное раздражение офицерства. Не прибавил стабильности и инцидент, произошедший 13 ноября в омском гарнизонном собрании. Во время банкета в честь прибывшего французского батальона русские офицеры заказали музыкантам национальный гимн – «Боже, Царя храни». Но в зале нашлось немало людей, протестовавших против его исполнения. Вспыхнул скандал, и войсковой старшина Красильников даже направил на одного из протестующих револьвер, после чего французский посол покинул зал.

15 ноября начальник омской милиции Роговский доложил председателю Совета министров о том, что в городе готовится свержение Директории. Вологодский поставил об этом в известность Главнокомандующего. Болдырев торопился на фронт и не мог обстоятельно разобраться в обстановке, но полагал, что нарушители общественного спокойствия – казаки, а в отношении Красильникова и его собутыльников приказал провести расследование.

На самом деле опасность для Директории была гораздо реальнее. Ее политическим противником выступила влиятельная и обладающая в контрреволюционной России реальной силой конституционно-демократическая партия, того же 15 ноября открывшая в Омске свою 2-ю Сибирскую конференцию. На ней присутствовали представители партийных организаций девяти городов России. С докладом выступил председатель только что образованного на конференции Восточного отдела ЦК партии В.Н. Пепеляев –

родной брат генерала. По его докладу конференция вынесла постановление: заменить полубольшевицкую, ошибочно созданную в Уфе Директорию военной диктатурой, единственно способной повести войну за национальное возрождение России. Энергичный Пепеляев взял на себя работу по связи с военными заговорщиками и представителями торгово-промышленного капитала. Организация военной акции – ареста эсеровских членов Директории – возлагалась на одного из старших штабных офицеров, полковника А.Д. Сыромятникова. Он действовал в контакте с бывшим начальником Академии Генерального Штаба генералом А.И. Андогским и с непосредственным руководителем ареста эсеров, начальником гарнизона города полковником В.И. Волковым. Авксентьев потом утверждал, что о заговоре было известно и английским союзникам. Да и вообще о нем знали многие: Омск был буквально наполнен слухами о скором свержении Директории; несомненно, доходили они и до ее членов, но сделать те уже ничего не могли. Колчак, как мы видели, не входил в число участников заговора, и до него доходили лишь смутные слухи обо всех этих событиях; в то же время он вполне мог и допускать возможность такого переворота, тем более вспоминая предыдущие разговоры о диктатуре с Гайдой и Пепеляевым.

17 ноября Александр Васильевич вернулся в Омск с фронта. К военному министру тотчас явилась делегация от высшего офицерства и казачества, заявившая, что участь Директории предрешена. Делегаты видели ей замену в единоличной власти и просили Колчака взять на Себя диктаторские функции. Колчак ответил, что он не в состоянии принять такое бремя, поскольку единовластие может быть основано лишь на воле и желании армии, и только на нее может опираться лицо, согласившееся принять верховную власть и верховное командование. Закончил Колчак разговор выражением благодарности делегатам за оказанное доверие. Офицеры, в свою очередь, сказали адмиралу, что часы истории пущены и никто уже не в силах их остановить.

Переворот совершился в ночь с воскресенья 17-го на понедельник 18 ноября арестом Авксентьева, Зензинова и Роговского. В 4 часа утра де-

журный ординарец поднял Колчака с постели к телефону. Вологодский сообщил об аресте двух членов Директории и их коллеги по партии Аргунова, сказал, что немедленно созывает Совет министров, и просил адмирала прибыть на экстренное заседание.

На заседании Вологодский проинформировал собравшихся, что арест членов Всероссийского Правительства был произведен на квартире Роговского, дом которого был оцеплен усиленным разъездом 1-го Сибирского казачьего полка, партизанским отрядом Красильникова и еще несколькими конными частями. Боевую дружину Роговского разоружила одна казачья часть, не арестовав никого из дружинников, поскольку они не оказали сопротивления. Неизвестной пока оставалась судьба арестованных.

Развернулись оживленные прения. Факт свержения Директории был признан всеми. Она оказалась скомпрометированной и ненужной. Страсти разгорелись по вопросу о форме власти: быть ли правительству гражданским или власть должна перейти к диктатору. Вопрос нужно было решать немедленно, так как из-за безвластия в городе могли начаться беспорядки. Большинство присутствующих склонялись к мысли о необходимости

Генерал-лейтенант М.К. Дитерихс

сти диктатуры. Кандидатами в диктаторы были названы генералы Болдырев и Хорват, а также адмирал Колчак.

Военный министр Колчак сказал, что он видит в роли диктатора скорее Болдырева. После его слов началось обсуждение кандидатур. Адмирала при этом попросили удалиться как единственного из кандидатов, находившегося в Омске в данный момент.

После обсуждения кандидатуры Болдырева и Хорвата были отвергнуты. С последним кандидатом – Колчаком – мало кто из министров общался лично, но мощную поддержку ему оказали присутствующие здесь же морские офицеры, рассказав о его боевых заслугах перед Родиной. В итоге Совет министров объявил адмиралу об избрании его Верховным Правителем России (титул был утвержден тогда же) с назначением его Верховным Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами. Колчак первоначально предложил ограничить свои полномочия лишь исполнением должности Верховного Главнокомандующего, на что ему было замечено, что от него хотят большего – осуществления твердой и устойчивой верховной власти.

После короткого обсуждения Совет министров принял постановление в следующей редакции: верховную власть, взятую на себя после распавшейся Директории, Правительство передает в руки Александра Васильевича Колчака, именуемого впредь Верховным Правителем России и Верховным Главнокомандующим. Постановление приняли единогласно. После поздравлений Колчак поблагодарил Совет министров и выразил уверенность в том, «что общими дружными усилиями, вместе с нашей доблестной армией мы одолеем врага, возродим нашу матушку-Россию и восстановим в ней законность и порядок».

Затем Верховный Правитель по просьбе премьер-министра приказал полковнику Сыромятникову освободить из-под стражи Авксентьева, Зензинова, Роговского и эсеров Аргунова и Ракова и разместить их под строжайшей охраной по квартирам. Потом Колчак направился в Штаб Главнокомандующего, чтобы сделать необходимые распоряжения по войскам, а министрам предложил разработать положение о взаимоотношениях Верховного Правителя и Совета министров.

Во второй половине дня состоялось заседание Совета министров, на котором заявили о своем выходе из состава правительства Вологодский и

его помощник Виноградов, причем последний сказал, что не верит во благо, которое может принести новая власть. Его и не стали уговаривать остаться членом кабинета; с большим трудом и во многом благодаря лично Колчаку удалось убедить изменить свое решение Вологодского. Александр Васильевич ознакомил министров со своими первыми распоряжениями по вооруженным силам, потом были коллективно рассмотрены первые наброски к документу о взаимоотношениях Верховного Правителя и Совета министров. Для проведения внешней политики, поддержания постоянной связи с иностранными представителями и решения некоторых других вопросов адмиралу придавался рабочий аппарат из пяти человек, так называемый «совет Верховного Правителя». В конце заседания кабинет министров принял три постановления: о государственном перевороте, об отдаче под суд трех непосредственных руководителей ареста членов Директории и о производстве вице-адмирала Колчака в адмиралы.

В течение того же дня 18 ноября из Омска во все концы Сибири и Европейской России полетели сообщения с текстом постановления Совета министров: «Ввиду тяжелого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту верховной власти в одних руках, Совет министров постановил передать временно осуществление верховной государственной власти адмиралу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного правителя». В тот же день было опубликовано и обращение Верховного Правителя к населению:

«Всероссийское временное правительство распалось. Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, Александру Колчаку. Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройстве государственной жизни, объявляю, что я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашаемые по всему свету. Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, к труду и жертвам.

Верховный Правитель адмирал Колчак.

18 ноября 1918 года. Город Омск»

Верховный Правитель

Согласно поступившим из министерства внутренних дел и от омских властей сведениям, первая после переворота ночь в столице прошла спокойно. Прежде всего Колчаку пришлось принимать многочисленных визитеров. В числе первых посетителей были члены конституционно-демократической партии, возглавляемые В.Н. Пепеляевым, депутаты «отцов города» и духовенства, представители местной буржуазии, отдельные почетные граждане, главные редакторы городских и некоторых сибирских газет. Все они восторженно встретили приход новой власти, горячо приветствовали и поздравляли адмирала (большинство видело его впервые), желали ему близкой победы над большевиками. После русских «поздравителей» визит Верховному Правителю нанесли дипломатические предатели Англии и Франции, помимо поздравлений поинтересовавшиеся дальнейшей судьбой арестованных членов Директории. Колчак ответил, что все четверо находятся под надежной охраной на квартире Авксентьева и опасность их жизни не угрожает. Последней поздравить адмирала пришла большая группа морских офицеров во главе с прибывшим из Соединенных Штатов капитаном 1-го ранга М.И. Смирновым, который уже через день был назначен на должность управляющего морским министерством с производством в контр-адмиралы.

Напрасным, однако, было бы думать, что переворот был воспринят восторженно всеми; нашлись, разумеется, и противники. Сразу же после переворота депутатами действовавшего в Екатеринбурге Съезда членов Учредительного Собрания была принята резолюция-воззвание с призывом устранить «кучку заговорщиков». Подобные же заявления были сделаны и в Уфе членами «Совета Управляющих Ведомствами». В итоге Съезд был разогнан, а часть участников арестована, что положило конец идее Учредительного Собрания первоначального состава, избранного осенью 1917 года. Долго не признавал Верховного Правителя и атаман Семенов, вообще стремившийся действовать автономно. Изначально Семенова возмутил факт придания суду участников переворота 18 ноября (о его формальном характере атаман просто не знал).

Правительства стран Антанты на первых порах недооценивали Колчака, считая, что борьбу с

большевиками должны возглавлять их собственные представители. В середине декабря 1918 года в Омск прибыл французский генерал М. Жанен, по решению Верховного Совета Антанты назначенный Главнокомандующим русскими и союзными войсками. Однако Александр Васильевич решительно возразил против такого решения, вполне резонно заметив, что в Гражданской войне командование может осуществлять только русский человек. В итоге под верховное командование Жанена перешли лишь чешские и другие союзные войска.

В целом же с приходом к власти Колчака антибольшевистские формирования на Востоке консолидировались. Он был признан правительством Всевеликого Войска Донского, приславшим в Омск генерала К.И. Сычева. Власть Колчака вскоре признали и руководители Белых формирований на Севере и Северо-Западе России. В конце мая 1919 года его *de jure* признал и генерал А.И. Деникин, которого Колчак назначил своим заместителем. Но полноценного взаимодействия между силами, непосредственно подчинявшимися адмиралу Колчаку, и войсками других антибольшевистских фронтов так достигнуто и не было.

В конце декабря Колчак получил телеграмму от бывшего министра иностранных дел С.Д. Сазонова, ставшего теперь послом Омска в Париже. От имени «Русского политического совещания» в Париже, объединявшего бывших русских послов, членов «Национального центра» и «Союза возрождения» (коалиционные правоцентристские политические организации), видных представителей политических и деловых кругов дореволюционной России, в ней сообщалось: «Признаем верховную власть, принятую Вашим превосходительством, в уверенности, что Вы солидарны с основными началами политической и военной программы Добровольческой армии».

В первые же дни после своего вступления в должность Верховному Правителю необходимо было решить два вопроса: как наказать участников переворота – казаков, и что делать с арестованными членами Директории. В итоге «переворотчики» были секретным приказом произведены в следующий чин: полковник Волков стал генерал-майором, а войсковые старшины Красильников и Катанаев – полковниками. Назначенный над ними суд, состоявшийся 21 ноября, полностью оправдал их, вскрыв при этом массу непри-

глядных фактов, связанных с деятельностью Директории. Те же из членов последней, кто не признал власть Колчака, были отправлены под английским конвоем во Владивосток, откуда они затем уехали за границу. Предварительно каждому из них было выдано по 75-100 тысяч рублей.

Отбитый у большевиков чехами и белогвардейцами еще в августе 1918 года в Казани золотой запас Российской Империи позволял Колчаку осуществлять крупные закупки оружия и военного снаряжения у союзников. Генерал Нокс, руководивший по поручению стран Антанты военным снабжением русских войск в Сибири, в это время находился во Владивостоке, обеспечивая приемку прибывающих военных грузов и доставку их по назначению. Заботясь о первоочередном снабжении частей Екатеринбургского фронта, Колчак пытался связаться по прямому проводу с Ноксом, чтобы тот ускорил доставку снарядов и патронов. Но связь была прервана; подозрение пало на атамана Семенова, что еще больше обострило упомянутый выше конфликт (связь, впрочем, вскоре была восстановлена, а вину атамана так и не смогли доказать даже его недоброжелатели).

Семенов сообщил Колчаку, что задерживались некоторое время зашифрованные телеграммы (из-за отсутствия соответствующих шифров), пере-

бои же в движении на железной дороге объяснялись тем, что к указанному моменту железнодорожные рабочие не получали зарплаты уже три месяца (деятельность дороги поддерживалась лишь распоряжением Семенова о бесплатной выдаче горячих обедов в обмен на установление 10-часового рабочего дня). В невиновности Семенова убедился и посланный в Читту начальник военных сообщений Сибирской армии генерал Михайлов. Однако 1 декабря 1918 года Колчак подписал приказ №61, которым Семенов обвинялся в государственной измене и отрешался от всех должностей. В Читту был направлен генерал-майор В.И. Волков вместе с войсками. На предложение подчиниться Семенов потребовал отмены приказа №61 и подчинения, в свою очередь, Колчака Деникину. В итоге приказ был отменен лишь 25 мая 1919 года, а через два дня после этого Семенов признал власть Колчака. При этом атаман с поста командующего Восточно-Сибирской отдельной армией был смещен до командира 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, что свидетельствует о том, что именно ему, а не Колчаку, пришлось пойти на уступки ради общего дела – борьбы с большевиками.

27 ноября генерал Болдырев по собственному прошению был освобожден от должности Верховного Главнокомандующего. Колчак предлагал ему на выбор любую другую должность, кроме Верховного Главнокомандующего, но тот отказался и через несколько дней выехал в Японию. Теперь адмирал окончательно принял на себя и верховное командование войсками. В письме супруге С.Ф. Омировой от 15 октября 1919 г. Колчак писал: «Я не являюсь ни с какой стороны, ни представителем наследственной или выборной власти. Я смотрю на свое звание как на должность чисто служебного характера. По существу, я Верховный Главнокомандующий, принявший на себя функции и Верховной Гражданской власти, так как для успешной борьбы нельзя отделять последние от функций первого».

Достигнутые в декабре 1918 года первые боевые успехи на Урале окрылили омское Правительство и его союзников, вселили надежду на осуществление далеко идущих замыслов. Но оставалась и масса проблем – и в первую очередь

*Атаман Забайкальского казачьего войска
Г.М. Семенов*

материально-техническое обеспечение действующих войск и подготовка для них армейских резервов, причем особенно остро ощущалась нехватка патронов и снарядов. Несмотря на старания Нокса, грузы из Европы из-за дальности расстояния продвигались крайне медленно. Колчаковское правительство по дипломатическим каналам обратилось с заказом на снаряды и патроны к Японии. Непростой оказалась и подготовка людских резервов для фронта, необходимость в которых возрастала по мере потери чехословацкими частями боеспособности. Началась ускоренная подготовка офицерских кадров на Русском острове близ Владивостока, в чем немалую помощь оказали английские инструкторы (так называемая «школа Нокса»).

Круг забот Верховного Правителя, конечно, не ограничивался военными проблемами. Гражданское управление ложилось на десять министров, объединенных в Совет во главе с председателем Вологодским (генерал Жанен записывал в дневнике: «Любопытная вещь – перманентность министров: они работали с Директорией, работают с адмиралом, который опрокинул Директорию»). Колчак, однако, не только утверждал все важные постановления Совета министров, но нередко и сам принимал участие в законотворчестве.

Адмирал А.В. Колчак в штабе Екатеринбургской группы войск, 1918 г.

В одном из писем Александр Васильевич писал: «Моя цель первая и основная – стереть большевизм и все с ним связанное с лица России, истребить и уничтожить его. В сущности говоря, все остальное, что я делаю, подчиняется этому положению». Слова эти подразумевали прежде всего разгром советской системы, коммунистической партии. А сделать это можно было, помимо чисто военных мероприятий, прежде всего путем проведения последовательных реформ, которые позволили бы решить основные внутриполитические вопросы. Как же они решались в период существования Всероссийского Правительства Колчака?

Прежде всего адмирал стремился установить закон и порядок. Были восстановлены и совершенствовались административные и судебные органы, в том числе Правительствующий Сенат. Во главе губерний (областей) стояли управляющие. На Урале был введен институт главных начальников края. Возрождались и местные органы самоуправления: городские думы, их управы, сеть земств, впервые появившихся в Сибири в 1917

Государственный герб, введенный в период существования Всероссийского правительства А.В. Колчака

году. Но при этом государственные структуры воссоздавались в довоенном, имперском масштабе, а ведь чем более громоздким становился государственный аппарат, тем меньше была его эффективность.

Воссозданы были и внешние атрибуты государства: двуглавый орел (короны заменили сияющим Крестом, а скипетр – мечом), трехцветный бело-сине-красный флаг и принятый после Февраля гимн («Коль славен» на музыку Д.С. Бортнянского).

Одним из самых важных хозяйственно-экономических вопросов стал аграрный. От умонастроения крестьянства, составлявшего значительный процент солдат и младшего офицерства армии Верховного Правителя, зависело очень многое. Правительство Колчака отменило принятый Временным Сибирским Правительством закон о возвращении прежним владельцам их имений вместе с инвентарем. С 10 декабря было отменено и постановление о государственном регулировании хлебной, мясной и масляной торговли, разрешена свободная торговля этими продуктами «по вольным ценам». В аграрной политике омское Правительство ориентировалось на использование опыта преобразований П.А. Столыпина, создание крепкого индивидуального хозяйства и ликвидацию помещичьего землевладения. Земли, изъятые у крупных землевладельцев большевиками, подлежали продаже через Земельный банк «трудовому собственнику». 8 апреля 1919 года была опубликована «Грамота Верховного Правителя о земле», в которой кардинальное решение аграрного вопроса предполагалось передать «Национальному Российскому Собранию» после победы над большевиками, пока же устанавливалось, что на всех землях урожай мог собирать и использовать тот, кто обрабатывал и засеивал поле.

Не менее важным было и решение рабочего вопроса. Министерство труда, возглавляемое социал-демократом меньшевиком Л.И. Шумиловским, в основном руководствовалось законодательством Временного Правительства. Проводился курс на упорядочение взаимоотношений между рабочими и работодателями – «между трудом и капиталом». Были восстановлены биржи

труда, больничные кассы (органы социального страхования рабочих); сохранялись и профессиональные союзы, которых к концу 1918 года насчитывалось 184. Впрочем, взаимоотношения властей и профсоюзов были сложными: последние часто и далеко не безосновательно обвинялись в антиправительственной деятельности. В связи с военной обстановкой уровень жизни населения значительно ухудшился. В городах и рабочих поселках ввиду роста цен на продовольственные товары реальная зарплата стала не успевать за прожиточным минимумом, ухудшились условия труда на заводах, фабриках и в железнодорожных мастерских. Предприниматели в отсутствие закона о восьмичасовом рабочем дне при попустительстве властей сами устанавливали режим работы на своих предприятиях; несмотря на существование советов бирж труда, сами решали вопросы найма и увольнения, систематически снижали принятые по закону обязательные отчисления в больничные кассы рабочих.

Постановлением Совета министров от 18 февраля 1919 года был образован специальный орган – Комитет по выработке экономической политики, который должен был обобщить предложения отдельных министерств и составить общий план действий в социально-экономической области. В основу экономической политики возрождаемой России был положен принцип частного хозяйства. Крепкое и нормально функционирующее хо-

зайство было немыслимо без создания и развития отечественной промышленности. Наибольшее внимание необходимо было обратить на развитие крупной индустрии, как наиболее стойкой к различным потрясениям, но при этом государство не должно было отказывать в поддержке мелкой кустарной промышленности. Первоочередное внимание предстояло обратить на привлечение капитала в топливную, лесную, металлургическую, металлообрабатывающую и горнодобывающую отрасли. Допускалось и приветствовалось присутствие иностранного капитала, при этом его права должны были быть четко зафиксированы. Отечественная промышленность защищалась таможенными барьерами.

В области торговли объявлялся принцип свободной частной торговой инициативы. Но при имевшемся товарном дефиците государство должно было найти формы по возможности безболезненного воздействия на заготовку и распределение самых необходимых продуктов. Государство же должно было регулировать и внешнюю торговлю.

Для осуществления экономических преобразований необходимо было улучшение внутренней финансовой системы. В связи с этим поддержку от государства получал частный банковский аппарат. Главными источниками денежных поступлений становились налоги и... печатный станок.

В области путей сообщения заявлялось о всемерном стремлении к восстановлению и улучшению существующих транспортных коммуникаций, увеличению объема грузоперевозок. Предполагалось восстановление и широкое использование железнодорожного и водного транспорта, причем для восстановления железных дорог широко привлекались иностранные специалисты (в основном – американцы, меньше – японцы), которые занимались обследованием их состояния, выдвигали различные предложения по улучшению условий эксплуатации. Быстрыми темпами проводилась денационализация водного транспорта. Решить проблему коммуникаций между территорией, находившейся под управлением Всероссийского Правительства, и Северным регионом пытались воссозданием Северного Екатерининского канала между Чердынью (притоком Камы) и Северной Двиной. Канал этот начали строить в XVIII веке, но вскоре забросили. Естественно, что попытка восстановить его в силу

трудных обстоятельств военного времени была обречена на провал. Но сам факт этот свидетельствует о том, что поиск решения насущных экономических проблем велся постоянно.

Торгово-промышленные компании Англии, Франции, США и Японии с конца 1918 года начали устанавливать выгодные экономические связи с сибирскими кооператорами и предпринимателями. Иностранцев интересовали сибирские богатства: золото, редкие металлы, пушнина, лес; сибиряки нуждались в сельскохозяйственных машинах и промышленных товарах.

Летом 1919 года развернули свою деятельность английские «Компания по снабжению Сибири» и акционерное общество «Лена Голдфилс». Англичане разрабатывали и проект международного консорциума «Российская и Сибирская торговая и финансовая корпорация» в составе крупнейших промышленных и банковских фирм Англии, Франции, США и Японии с расчетом обеспечения преимущественного положения в корпорации британским монополиям. Выдвигались и планы реконструкции российской экономики.

В порядке развития экономических связей между Западом и освобожденной от большевиков Россией на лето 1919 года намечалась Карская морская товарообменная экспедиция. Иностранцы запрашивали Архангельск и Омск об особенностях плавания карским путем, уточняли характер и объем сибирского экспорта и условия товарообмена. Американцы и англичане намеревались направить в устья западно-сибирских рек по пять своих судов с грузом смазочного масла, необходимого для военной техники, военные грузы и части войск. В обмен на машинное масло они надеялись получить от сибирских купцов масло сливочное и другие сельскохозяйственные товары. Экспедиция была осуществлена летом – осенью 1919 года, причем с точки зрения мореплавания это было весьма значительное мероприятие. Но в силу того, что положение отступающих колчаковских войск в сентябре – октябре было весьма неблагоприятно, поддержку с берега экспедиции оказать не удалось, и она попала в руки красных. О роли Карской экспедиции в развитии мореплавания и торговли можно судить по тому, что уже при советской власти по ее маршруту было проведено пять подобных экспедиций.

На Дальнем Востоке безнаказанно хозяйничали японцы. С разрешения Хорвата они совершали каботажные плавания у русских берегов, при

Адмирал Колчак после посещения госпиталя в Омске. Слева от Колчака контр-адмирал М.И. Смирнов, за спиной Смирнова – А.В. Тимирева, крайний справа – полковник А. Удинцов, начальник личной охраны Верховного Правителя, 1919 г.

этом часто на захваченных русских же судах. Японцы монополизировали торговлю с местным населением, скупая у него за бесценок пушнину, сельскохозяйственные продукты, рыбу; в то же время на чужой земле добывали золото и другие полезные ископаемые, заготавливали и вывозили лес, в русских водах промыслили ценные породы рыб. С другой стороны, следует сказать, что присланные в Забайкалье и на Дальний Восток японские дивизии были едва ли не единственными из союзнических войск, которые принимали активное участие в боевых действиях против красных партизан.

Разумеется, осуществить в полной мере все заявленные экономические преобразования Всероссийское Правительство не смогло. Главной причиной стала, конечно же, война, во время которой вообще затруднительно реализовывать какие-либо реформы. Налицо было и «пробуксовывание» чрезвычайно громоздкого аппарата управления промышленностью, инфляция, а также множество других причин.

Кроме того, существовало весьма значительное сопротивление политическому режиму Колчака. Ушедшие в подполье большевики создавали партизанские отряды, организовывали восстания. Одним из первых стало декабрьское восста-

ние в Омске. 21 декабря произведенный в генерал-майоры видный участник ноябрьского переворота Д.А. Лебедев доложил адмиралу, что в городе раскрыта нелегальная квартира и арестован большевистский подпольный штаб, готовивший мятеж. Однако контрразведке удалось раскрыть лишь штаб 2-го городского района, причем некоторые из арестованных подпольщиков были самовольно расстреляны на месте. Всего же Омским подпольным комитетом большевиков было организовано четыре таких штаба соответственно в четырех городских районах; на предприятиях и в железнодорожных мастерских готовились рабочие боевые отряды, была установлена связь с солдатами дислоцированного в Омске 20-го Сибирского стрелкового полка.

Провал одного из штабов вынудил большевистских руководителей отложить восстание, назначенное на 2 часа ночи 22 декабря. Но не предупрежденные об этом вовремя из-за плохой связи штабы других районов дали команду на выступление своих отрядов. В 1-м районе рабочие и солдаты 20-го полка захватили тюрьму и освободили около двухсот заключенных, вооруженные рабочие 3-го района разоружили до четырехсот солдат, пригород Омска – Куломзино (4-й район) – полностью перешел в руки восставших.

За Куломзино всю ночь шел бой, была прервана телеграфно-телефонная связь с фронтом, у мятежников обнаружались пулеметы. Лишь вечером с помощью артиллерии сопротивление повстанцев там было подавлено.

Верховный Правитель тут же повелел готовить приказ: всех принимавших участие в беспорядках или причастных к ним лиц предать военно-полевому суду, а всем освобожденным арестованным добровольно явиться к караульному начальнику областной тюрьмы, коменданту города или в милицию. Большинство, в том числе почти все арестованные эсеры, действительно вернулись в тюремные камеры. Наиболее активные мятежники были расстреляны, остальные подверглись тюремному заключению. По одним данным, общее число жертв этого восстания пре-

вышло 1 000, по другим – доходило до 2 000 человек. Со стороны правительственных войск потери не превышали 20-25 солдат и офицеров; среди них оказалось 3 или 4 чеха.

Поздно вечером того же дня Колчак получил от Вологодского записку, в которой сообщалось о предании военно-полевому суду членов Учредительного Собрания, не имевших никакого отношения к восстанию, если не считать их временной отлучки из открытой мятежниками тюрьмы. Адмирал тут же дал по телефону распоряжение начальнику гарнизона, чтобы этих людей под суд не отдавать.

Утром выяснилось, что шестнадцать «учредителей», половину из которых составляли социалисты, все же ночью были расстреляны. Двоих из них, эсера Девятова и меньшевика Кириенко, присоединили к сорока четырем подлежащим военно-полевому суду большевикам, и всех ликвидировал сопровождавший их офицерский конвой. Офицеры – участники расстрела – были преданы суду, но часть их была по суду оправдана, часть же понесла наказание условно.

Впоследствии адмиралу очень активно вменяли в вину этот эпизод члены Чрезвычайной Следственной Комиссии при эсерово-меньшевистском Иркутском Политцентре, тем более что один из них, К. Попов, едва не оказался в числе расстрелянных. Колчак вполне резонно отвечал, что данное дело не входило в его личную компетенцию. Запрещал Колчак и телесные наказания, но, несмотря на это, следствие в Иркутске стремилось

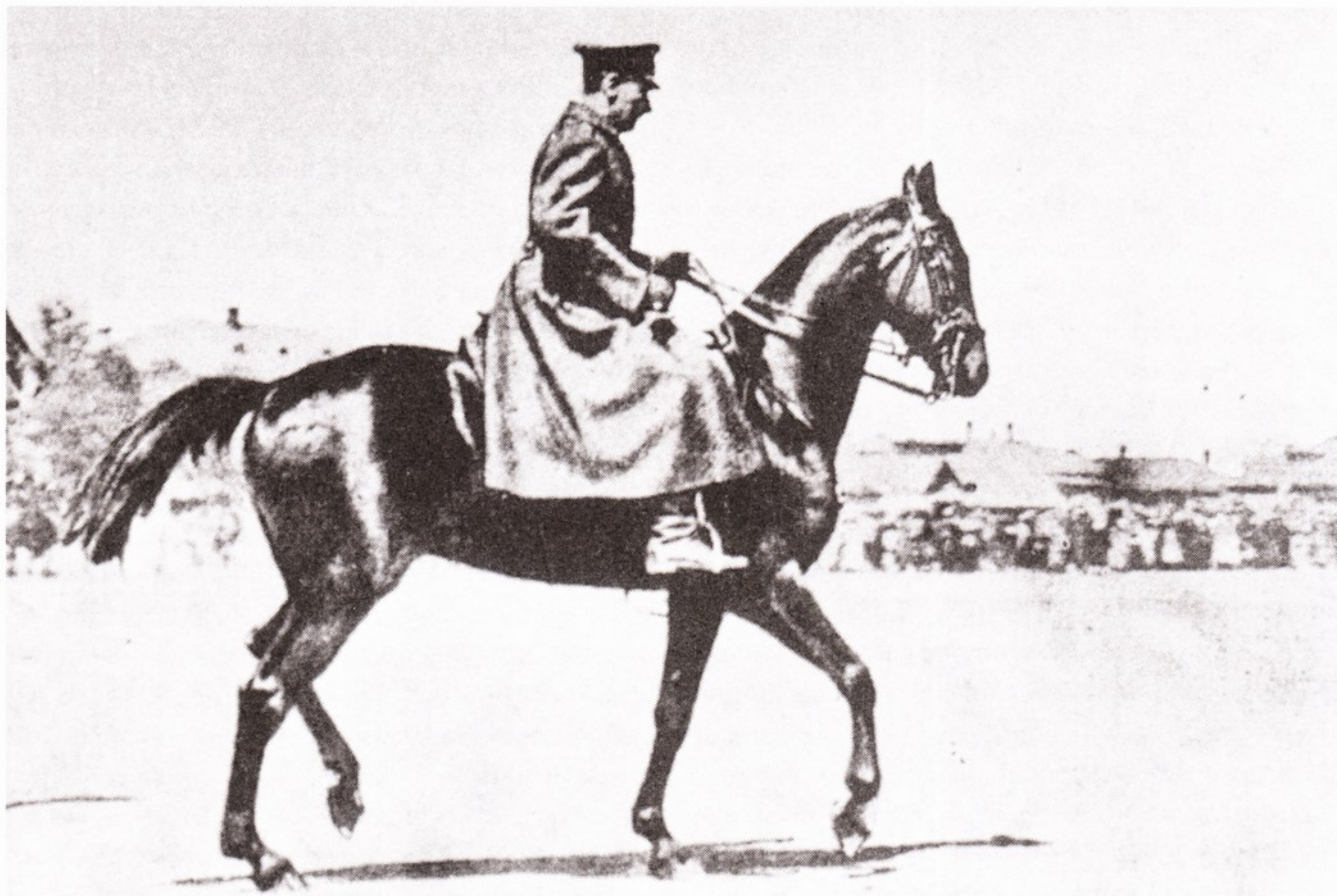
обвинить его во множестве конкретных, возможно, даже реальных правонарушений, к которым лично Верховный Правитель отношения не имел.

Вслед за омским восстанием 26 декабря выступили канские рабочие и присоединившиеся к ним четыре роты солдат. Они захватили управления военного начальника и полиции Канска, почту, вокзал и склад с оружием, разоружили железнодорожную охрану. 27 декабря железнодорожники захватили станцию Иланскую к востоку от Красноярска и разоружили роту, посланную на подавление мятежа. 6 февраля рабочие Енисейска и местные солдаты заняли правительственные учреждения, арестовав чиновников города, прервали работу почты и телеграфа, освободили из тюрьмы политических заключенных. Потерпев поражение, канские, иланские и енисейские повстанцы ушли в тайгу к партизанам (активное партизанское движение в крае началось еще в ноябре 1918 года). По словам одного из белых офицеров, «вся Енисейская губерния и часть Иркутской буквально горели в огне партизанщины». Местами наиболее активного партизанского движения стала территория между реками Енисей и Кан, объявленная Степно-Баджейской партизанской республикой со своей «партизанской армией» под командованием А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина, и окрестности села Тасеево – богатый хлеб-

А.В. Колчак в рабочем кабинете

На параде в Омске, 1919 г.

ный район, связанный с рабочими золотых приисков енисейской тайги. Здесь была организована Тасеевская партизанская республика.

Уже в конце января 1919 года в Омске вновь была пресечена попытка вооруженного восстания. Все эти мятежи отвлекали войска с фронта, и зачастую для их подавления приходилось обращаться к иностранным подразделениям. Кроме того, карательные экспедиции (так назывались они и в официальных колчаковских документах) нередко действовали не только против партизан, но и против мирного населения, что лишь настраивало крестьян против власти Верховного Правителя и способствовало усилению влияния большевиков. Хотя необходимо отметить, что и партизаны действовали не только против войсковых соединений, а зачастую вели себя как разбойники, грабя и убивая мирных жителей, пуская под откос пассажирские поезда.

Помимо восстаний огромный вред приносила и инертность значительной части населения, равнодушно смотревшей на происходящее и стремившейся жить по принципу «моя хата с краю». До прихода к власти Колчака сибирский и, отчасти, уральский крестьянин не познали еще, что та-

кое аграрная политика большевиков. Не испытав прелестей продразверстки и других форм грабежа, сибиряк искренне полагал, что большевики отдадут землю именно ему. Именно поэтому многие крестьяне не хотели защищать колчаковский режим, так до конца и не поняв сути его аграрной политики и считая Всероссийское Правительство лишь «реставратором старых порядков».

Охарактеризовав внутривластную ситуацию, попытаемся рассмотреть, как влияли на нее личные качества Верховного Правителя. На всю его деятельность прежде всего накладывало отпечаток то, что он был человеком военным. Пути борьбы с недостатками в работе аппарата управления в целом Колчак видел в постепенном сосредоточении всех важнейших направлений работы в собственных руках. Для этого при Ставке Главнокомандующего стали создаваться все новые и новые службы, что, естественно, упорядочению работы не способствовало. Как писал Управляющий делами Совета министров Г.К. Гинс, «адмирал – Верховный Главнокомандующий поглотил адмирала – Верховного Правителя, вместе с его Советом министров...». Впрочем, нужно отметить, что такая ситуация возникла далеко не сразу: первоначально Колчак был более тесно связан с Советом министров, больше опирался на него.

Одним из самых важных вопросов для Всероссийского правительства было его международное признание. На Парижской мирной конференции 7 мая 1919 года глава британского кабинета Д. Ллойд-Джордж выразил надежду, что скоро правительство Колчака переберется в Москву. Считая своевременным признание новой всероссийской власти, английский премьер тем не менее хотел выговорить у Верховного Правителя ряд условий и получил в этом поддержку президента США В. Вильсона, добавившего, что от омского Правительства надо потребовать принятия и проведения программы демократических реформ. Настроения в пользу признания Колчака поддерживались даже некоторыми бывшими руководителями свергнутой Директории: так, Авксентьев выражал готовность служить адмиралу, который, естественно, приветствовал такое решение. В то же время без «условий» не обошлось и здесь: вместе с лидером «Лиги Республиканской России» А.Ф. Керенским эти политические банкроты просили Вильсона потребовать демократизации режима Колчака.

3 июня в Омск поступила обширная телеграфная нота из Парижа за подписью глав пяти союзных держав. В ноте говорилось о непримиримом отношении союзников к Советской власти, обещались материальная поддержка омскому Правительству и содействие реальному превращению его во всероссийское в том случае, если оно возьмет на себя ряд обязательств: созыв после взятия Москвы Учредительного Собрания, избранного на демократических основаниях, а при невозможности проведения свободных выборов – оставление прежнего (на 1917 год) его состава; обеспечение в Сибири гражданских свобод (свободного избрания муниципалитетов, земств и других общественных организаций, свободы вероисповедания); невосстановление помещичьего землевладения и сословных привилегий; признание независимости Финляндии и Польши, урегулирование отношений с прибалтийскими государствами, Закавказьем и Закаспийской областью и признание их *de facto*; признание прежних русских долгов. Фактически эти требования были ничем иным, как вмешательством во внутренние дела России. Но выхода у Всероссийского

Правительства в тот момент не было. В ответ, подготовленный министром иностранных дел И.И. Сукиным, адмирал внес две поправки: во-первых, отразить в письме несогласие с восстановлением в правах Учредительного Собрания 1917 года, поскольку в его состав входили большевики, и, во-вторых, разъяснить, что он не останется на своем посту ни на один день позже, «чем того требуют интересы России». Ни присланную союзническую ноту, ни ответ на нее Верховный Правитель не счел необходимым довести до сведения Совета министров, почитая свое решение по этому вопросу исчерпывающим и окончательным.

Несмотря на некоторые недомолвки и неясности в ответе, он вполне удовлетворил «дружественные державы», обещавшие по-прежнему оказывать союзническую помощь. Единственное пожелание с их стороны состояло в том, чтобы Колчак, Вологодский и другие члены правительства почаще выступали в печати с рекламой своей «демократической» программы. Однако подлинного единодушия на Западе не было. Консервативные круги считали необходимым не только оказывать материальную поддержку омскому Правительству, но и признать его *de facto* и *de jure*; напротив, среди либеральной общественности, встревоженной «чинимыми в Сибири актами беззакония и произвола», господствовала противоположная

Верховный Правитель России адмирал
А.В. Колчак

точка зрения. В Англии ее разделяли лейбористы, требовавшие разрыва отношений с Омском. Учитывая серьезные выступления против поддержки Колчака, правительства стран Антанты стали скрывать истинные размеры оказываемой ему военной помощи. Главным же, что требовалось для признания сибирского Правительства, были победы его армий.

Омская дипломатия добивается военной помощи и на Востоке – от Японии. Улучшению отношений японцев к Колчаку способствовали боевые успехи его войск, а также относительная реабилитация Семенова и назначение атамана помощником командующего Приамурским военным округом. О переориентации японской политики свидетельствовала и отставка еще в январе бывшего харбинского недоброжелателя Колчака, генерала Накашимы. Для признания Всероссийского Правительства Японии было достаточно лишь подтверждения им всех долгов и международных обязательств прежних правительств. Получив необходимые заверения, японцы стали торопить западных партнеров с признанием адмирала.

Солдаты одной из частей армии адмирала Колчака

Близкими союзниками до недавнего времени были чехословаки, и Верховный Правитель даже предоставил им ряд льгот, в том числе право приобретать недвижимость в Туркестанском крае вопреки запрету на такого рода привилегии для других иностранцев. Первые разочарования в чехословацких legionерах появились у Колчака после самовольного оставления ими боевых позиций; далее его все больше раздражало нежелание чехов воевать, склонность их начальства к сближению с эсерами и меньшевиками, вызывающее всеобщее возмущение мародерство войск.

Наибольшую неприязнь Колчака вызывали два высших представителя Чехословакии в Сибири – генерал Я. Сыровой и гражданский комиссар Б. Павлу. А тут еще неожиданно разгневал Верховного Главнокомандующего и Гайда, выступивший с резкой критикой действий Ставки. Первый конфликт закончился примирением, но вскоре командующий Сибирской Армией был устранен со службы.

Говоря о союзнической помощи, нельзя не отметить, что оказывалась она далеко не безвозмездно. Она осуществлялась через займы или непосредственно под залог части золотого запаса Российской Империи, оказавшегося в руках Всероссийского Правительства. Общая номинальная стоимость запаса превышала 650 миллионов руб-

лей, а на оплату поставок из-за рубежа Правительством было израсходовано около 242 миллионов.

Но, конечно, самым главным фактором, определявшим и внутреннюю, и внешнюю политику адмирала Колчака, оставалась непрекращающаяся война.

А дела на фронте шли с переменным успехом. Данные о численности армий Верховного Правителя в 1919 году несколько различаются между собой, совпадая лишь в указаниях на огромную разницу между числом бойцов и общей численностью едоков. Связано это было с тем, что в результате мобилизаций чрезвычайно разбухли тыловые учреждения и части. В декабре 1918 года численность боевого состава армий, по разным подсчетам, колебалась в пределах 100-120 тысяч человек, а к марту 1919-го она увеличилась до 150-170 тысяч. Помимо этого, в Сибири и на Дальнем Востоке находилось до 25 тысяч чехословаков, 36 тысяч японцев, 4-5 тысяч американцев, 1-2 тысячи англичан и канадцев, более 1 тысячи французов, а также формирования поляков, сербов, итальянцев, румын. Но практически все иностранцы находились в тылу, не принимая активного участия в боевых действиях.

Поскольку Колчак всегда продолжал чувствовать себя военным моряком, он, естественно, не мог не думать о создании военно-морских сил, тем более что в его распоряжении было значительное количество морских офицеров, оказавшихся в Сибири после революции и развала флота. В течение 1918-1919 годов были сформированы три речные боевые флотилии – Камская, Обь-

Буксир с баржей на Каме. Именно из таких вооруженных судов в основном состояли Речные боевые флотилии, воевавшие в 1918-1919 гг.

Иртышская и Енисейская, которые успешно взаимодействовали с сухопутными войсками, вели борьбу с флотилиями противника. Было создано также два подразделения морской пехоты – Отдельная бригада морских стрелков и Отдельный морской учебный батальон.

Противник же в декабре 1918 года имел в строю на Восточном фронте 750 тысяч человек, а к лету 1919 года – около одного миллиона.

В конце декабря 1918 года войска адмирала Колчака одержали крупную победу под Пермью, взятой на Рождество. Эта победа, принесшая значительные трофеи, имела и огромное моральное значение; не могли омрачить ее даже последующие неудачи на западном и южном участках фронта – оставление Уфы, Бирска, Оренбурга.

«За разгром армий противника Русскими Армиями под управлением Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего адмирала А.В. Колчака, на основании параграфа 1 статьи 8-ой Георгиевского статута» Георгиевская Дума при Штабе Сибирской Армии поднесла адмиралу орден Святого Георгия III-й степени. «Принимая эту высокую воинскую награду, – писал Александр Васильевич в приказе, – я уверен, что доблестная возрожденная Русская армия не ослабевает в своем порыве и до конца доведет дело освобождения России от врагов и поможет ей снова стать могучей и сильной в среде великих держав мира».

А.В. Колчак в действующей армии, 1919 г.

Еще в те годы было сломано немало копий вокруг вопроса, правомерны ли награждения орденом Святого Георгия, практиковавшиеся на Востоке и Севере России, за отличия в Гражданской войне. На наш взгляд, для А.В. Колчака и многих, очень многих офицеров и солдат Белых Армий эта война вовсе не была междоусобной, а считалась продолжением Первой мировой (Великой) войны, поскольку большевики расценивались как ставленники немцев. В силу этого награждение Георгиевскими наградами в Гражданскую войну было для Верховного Правителя вполне правомерным.

Военные успехи зимой 1918/1919 года и весной 1919-го стали пиком успехов армии Колчака, причем они непосредственно связывались с личностью адмирала, четыре раза выезжавшего на фронт и во время продолжительных пребываний там стремившегося вникать в нужды офицеров и солдат. Конечно, это еще больше укрепляло его авторитет.

В начале января 1919 года к Верховному Правителю приехал священник, посланный Святителем Тихоном, Патриархом Московским и всея

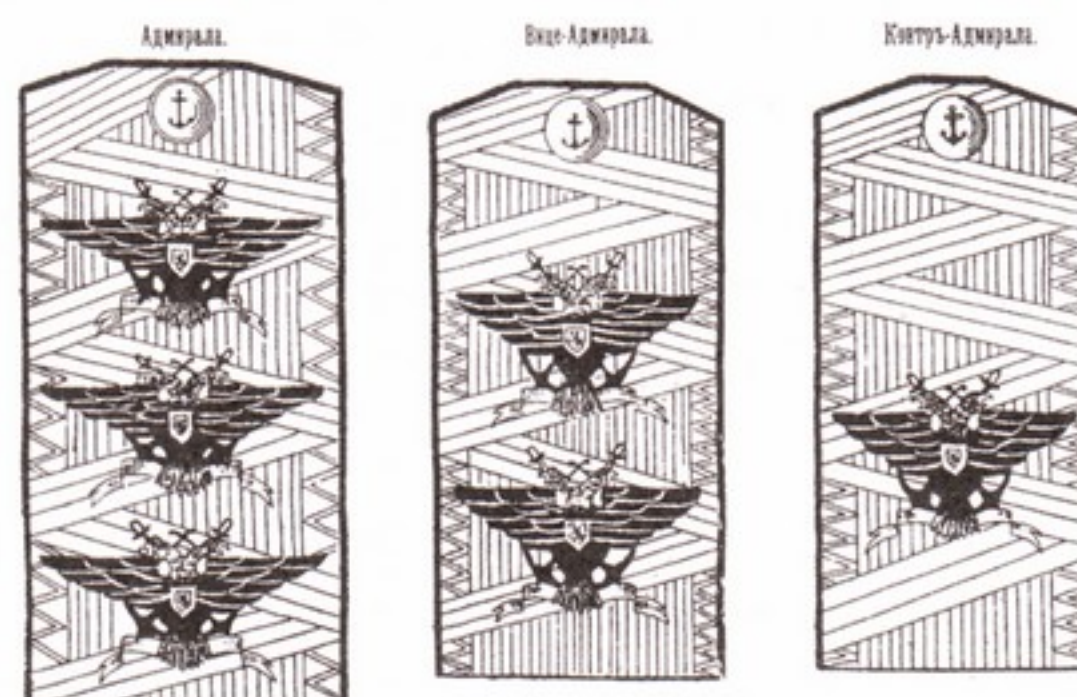
России. Священник привез миниатюрную фотографию образа Святителя Николая Чудотворца с Никольских ворот Московского Кремля и благословение Патриарха «на борьбу с атеистической временной властью над страдающим народом Руси». По свидетельству личного адъютанта адмирала, Колчак сказал тогда: «Я знаю, что есть меч государства, пинцет хирурга, нож бандита... А теперь я знаю, я чувствую, что самый сильный — меч духовный, который и будет непобедимой силой в Крестовом походе против чудовищного насилия!»

После крупных успехов белых под Пермью и неудач под Уфой и Оренбургом положение на фронте стабилизировалось. Та и другая стороны готовились к решительному удару. И в начале марта 1919 года войска Колчака, упредив красных, перешли в наступление и стали быстро продвигаться к Волге. Но уже к концу апреля наступательный потенциал был исчерпан, а большевики под руководством М.В. Фрунзе начали энергичное контрнаступление. Изменение стратеги-

УТВЕРЖДАЮ.
Адмирал Колчак.
6 декабря 1918 г.

Образцы погонь адмиральских чиновъ

Из проекта по М. Д.
из № 22.

Погонь золотой.
Якоря черные.
Щитъ желтый и красный
въ серединѣ съ изображе-
ниемъ св. Георгия Побѣдо-
носца.
Ленты голубыя.

Рисунок погон адмиралов, утвержденный А.В. Колчаком 6 декабря 1918 г.

ческой обстановки и отход белых на новые рубежи были связаны с неустойчивостью и прямым предательством некоторых частей, в том числе печально известного Украинского «курения» имени Тараса Шевченко. Почти все лето армии Верховного Правителя терпят неудачи и несут значительные людские и материальные потери.

19 июля по приказу Верховного Главнокомандующего войска перешли на продовольственное и фуражное самообеспечение за счет местных ресурсов, оплачиваемое из казенных средств. Однако приказ платить за все приобретенное или изъятое у населения выполнялся не всегда, что, естественно, вызывало озлобление.

Отступление продолжалось. Оказались израсходованными последние стратегические резервы. Только снятие большого количества красных полков и дивизий с Восточного на Южный и Петроградский фронты и срочные меры, предпринятые Колчаком и его сотрудниками, позволили задержать красных в сентябре – октябре во время боев на реке Тобол. На отдельных участках фронта колчаковским войскам удавалось достигать временных успехов, но с конца октября стремительное отступление возобновляется. 4 ноября

противником был захвачен Ишим, 14 ноября – Омск, 22 декабря – Томск.

Колчак выехал из своей столицы за два дня ее падения. Во время отступления между ним и командованием чехословацких частей, за которыми стоял французский генерал Жанен, произошел конфликт, вызванный захватом бывшими союзниками двадцати тысяч железнодорожных вагонов. Кроме личного состава имущества Чехословацкого корпуса вывозилось огромное количество «военной добычи», награбленной в России. Эти эшелоны забивали железнодорожные пути, замедляя или совсем останавливая эвакуацию русских беженцев и войск. Зачастую же чехи просто отбирали паровозы у санитарных и беженских эшелонов.

С 19 ноября по 4 декабря Колчак находился в Новониколаевске (ныне – Новосибирск). В этот период им были сделаны последние попытки спасти катастрофически развивающуюся для Белого движения ситуацию. 16 ноября Верховный Пра-

Адмирал А.В. Колчак на фронте

Одна из последних фотографий Верховного Правителя. Осень 1919 г. Адмирал А.В. Колчак и контр-адмирал М.И. Смирнов по дороге в Тобольск.

витель издал указ о созыве Государственного земского совещания, выборы в которое предполагалось провести до 1 января 1920 года. Через шесть дней Адмирал произвел кардинальные перемены в составе правительства. Вместо П.В. Вологодского председателем Совета министров был назначен В.Н. Пепеляев (с оставлением его в прежней должности министра внутренних дел) – сторонник жестких мер. 21 ноября при Верховном Правителе был учрежден новый орган – Верховное совещание из высших представителей военного командования и гражданской власти. 25 ноября был объявлен призыв в народное ополчение. Однако все эти меры в условиях стремительного отступления армий оказались совершенно неэффективными и спасти положение не могли. В ночь с 4 на 5 декабря А.В. Колчак и следовавший с ним главнокомандующий Восточным фронтом генерал-лейтенант К.В. Сахаров покинули город.

8 декабря на станции Тайга братья Пепеляевы – командующий 1-й армией (из войск переформированной Сибирской) генерал А.Н. Пепеляев и новый председатель Совета министров В.Н. Пепеляев – потребовали у Колчака срочного созыва Земского Собора и кадровых перестановок в военном морском ведомствах, угрожая Верховному Правителю арестом. На следующий день братьями был предъявлен ультиматум, согласно которому адмирал должен был объявить о созыве Сибирского Земского Собора в срок до 24 часов 9 декабря. Однако ультиматум выполнен не был.

Генерал-майор К.В. Сахаров

Относительной нормализации обстановки способствовало назначение Главнокомандующим войсками фронта генерала В.О. Каппеля. Генерал М.К. Дитерихс на аналогичное предложение ответил, что вступит в командование только в том случае, если Колчак уедет за границу...

14 декабря после упорных боев был оставлен Новониколаевск, а вскоре в результате измены генерал-майора Б.М. Зиневича потерян Красноярск. Положение отступающих войск, а вместе с ними и Верховного Правителя, становилось просто катастрофическим. 9 декабря главнокомандующим Восточным фронтом назначается командующий 3-й армией и Московской группой армий генерал-лейтенант В.О. Каппель, около которого, по словам С.П. Мельгунова, «... объединяется все, что сохраняет еще организованность и бодрость духа». Но даже это назначение не смогло предотвратить катастрофу Белого Восточного фронта.

Трагический финал

27 декабря два поезда Верховного Правителя (его собственный и поезд с золотым запасом) были задержаны чехами в Нижнеудинске, за Красноярском. Под видом охраны от нападения «союзники» фактически взяли Верховного Правителя в заложники. Колчаку была вручена телеграмма генерала Жанена с требованием оставаться на месте до выяснения обстановки. К тому времени вспыхнуло восстание в Черемхове, на пути к Иркутску, а за ним и в самом Иркутске.

Мятежники требовали от чехов выдачи Колчака, В.Н. Пепеляева (который находился с ним в одном эшелоне) и золотого запаса взамен предоставления возможности свободной эвакуации из Сибири. В это же время шли переговоры между возглавившим иркутское восстание «Политическим Центром» (коалиция эсеров и социал-демократов при негласном участии большевиков), Жаненом и Советом министров о сдаче последним власти Политцентру. 3 января 1920 года Совет министров посылает Колчаку телеграмму с требованием об отречении от власти и передачи ее А.И. Деникину. Адмиралу ничего не оставалось, как выполнить это требование, издав на следующий день свой последний указ.

Теперь речь шла только о спасении жизни, что дало бы возможность продолжать борьбу. Рассматривался вариант отступления в Монголию. Колчак счел этот план приемлемым только при добровольном согласии солдат конвоя, но те покинули адмирала. Неожиданная измена конвоя так потрясла его, что он поседел за одну ночь. Фактически предали своего Верховного Главнокомандующего, отказав ему в помощи, и приближенные офицеры... Еще раньше союзники предложили вывезти в своем эшелоне одного Колчака, без сопровождающих лиц. Но от этого предложения категорически отказался уже адмирал.

И генерал Жанен просто-напросто предал Александра Васильевича, заявив: «Мы психологически не можем принять на себя ответственность за безопасность следования адмирала... После того, как я предлагал ему передать золотой запас под мою личную ответственность и он отказал мне в доверии, я ничего уже не могу сделать».

Эшелон Верховного, разукрашенный флагами союзных держав, приближался к Иркутску. На станции Черемхово к охранявшим Колчака чехам присоединилась охрана из революционных рабо-

Генерал-лейтенант В.О. Каппель

чих. Вечером 15 января поезд прибыл в Иркутск, где Колчак, Пепеляев, Тимирева и еще 113 человек, еще остававшихся в эшелоне, были заключены в Иркутскую губернскую тюрьму.

До нашего времени дошел интересный документ – «Протест бывших членов Российского Правительства, собравшихся в Харбине, предъявленный представителям Союзных государств», подписанный Г.К. Гинсом, Н.И. Петровым, генералом от артиллерии М.В. Ханжиным, контр-адмиралом М.И. Смирновым, генерал-майором Б.И. Хорошхиным и другими. В документе говорилось: «С болью в сердце русские люди будут говорить, что предательство это совершено с ведома и с согласия Генерала Французской службы, представителя той страны, с которой Россия была связана узами старинной дружбы, запечатленной совместными жертвами на полях сражений».

Горячо протестуя против выдачи Адмирала Колчака, мы, нижеподписавшиеся Члены Российского Правительства, не теряем веры в то, что Правительства Союзных Держав, узнав об обстоятельствах этой выдачи, выполнят долг чести и примут все зависящие от них меры, чтобы обеспечить Адмиралу безопасный и свободный выезд в место по его избранию». Понятно, что это обращение осталось без какого-либо ответа...

С 20 января по 6 февраля Колчака допрашивали члены следственной комиссии, назначенной Политцентром. Всего прошло девять заседаний. Реальных обвинений Колчаку члены комиссии выдвинуть не могли, и значительная часть протоколов посвящена выяснению обстоятельств дореволюционной биографии Колчака; лишь в самом конце вопросы стали касаться карательных операций и репрессий, проводившихся в период возглавления Колчаком Всероссийского Правительства. Опубликованные в СССР в 1925 году протоколы допроса, уже начиная с 1930-х годов, стали изыматься из библиотек и оказались практически недоступными читателям: даже «отредактированные» и, как доказано сейчас, искаженные, они не могли скрыть благородный облик адмирала, невольно показывая его вовсе не таким, как требовала советская пропаганда и верно служившая ей историография.

По самой распространенной версии, 7 февраля адмирал Александр Васильевич Колчак и Виктор Николаевич Пепеляев были убиты около устья реки Ушаковки при впадении ее в Ангару. Существуют, впрочем, и свидетельства в пользу того, что убийство было совершено либо в тюремных камерах, либо во дворе тюрьмы. Когда председатель следственной комиссии С.И. Чудновский, войдя в камеру Колчака, объявил ему «приговор» – постановление Иркутского Военно-Революционного Комитета, адмирал якобы не смог сдерживать восклицания: «Как! Без суда?» Для него, цивилизованного человека, было непостижимо, как можно отправлять на смерть без какого-либо разбирательства и без доказательства вины. В бытность свою Верховным Правителем он сам старался не допускать ничего подобного и сурово наказывал виновных. Чудновский отказал Колчаку в последней просьбе – проститься с А.В. Тимиревой. На просьбу же передать супруге, которая уже находилась в Париже, что он благословляет своего сына, Чудновский ответил только: «Если не забуду – сообщим».

Перед смертью Колчак вел себя мужественно, не позволил завязать себе глаза. Тела убитых были опущены в вырубленную во льду Ангары прорубь напротив Знаменского монастыря.

В наши дни среди местных краеведов возникла версия о том, что в апреле, после вскрытия льда на Ангаре, тело Колчака всплыло близ поселка Усть-Куда, где его нашел и похоронил местный крестьянин, и, хотя переоценивать ее правдо-

подобия нельзя, сейчас предполагается провести экспертизу останков с целью установить, действительно ли они принадлежат Александру Васильевичу.

Еще одну версию места последнего упокоения А.В. Колчака, появившуюся в результате изучения рассекреченных архивных документов, высказал историк С.В. Дроков. 17 февраля 1920 года вдова В.Н. Пепеляева – Е.В. Пепеляева, а через два дня и А.В. Тимирева подали прошения в Чрезвычайную следственную комиссию с просьбой выдать им тела расстрелянных. 20 февраля комиссия передала заявление Пепеляевой в Иркутский ревком с заключением, в котором было указано, что со стороны комиссии «препятствий к выдаче тела не имеется». 23 февраля Пепеляевой и Тимиревой ответили, что тела Пепеляева и Колчака «погребены и никому выданы не будут». Сложно сказать, что подразумевалось под погребением: прорубь на реке Ушаковке или могила во дворе тюрьмы?

Долгое время считалось, что вопрос об убийстве Колчака был в спешном порядке решен Иркутским Ревкомом, так как к Иркутску в тот момент приближались белые войска под командованием сменившего Каппеля генерала С.Н. Войцеховского. Но сегодня можно считать практически доказанным, что убит без суда Колчак был по распоряжению лично Ленина, который в записке заместителю Председателя Реввоенсовета Республики М. Складанскому распорядился послать председателю Реввоенсовета 5-й армии И.Н. Смирнову шифровку следующего содержания: «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму, что местные власти до нашего прихода поступали так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске». Записка эта не имеет даты, однако сопоставление ее текста с текстами других документов и с биографической хроникой жизни Ленина позволило датировать ее двадцатыми числами января.

21 ноября 1999 года на месте гибели А.В. Колчака и В.Н. Пепеляева был установлен памятный крест. 4 ноября 2004 года в сквере около Знаменского монастыря был торжественно открыт памятник А.В. Колчаку работы скульптора В.М. Клыкова. В этот же день мемориальная доска была открыта в Омске на стене бывшего особняка К.А. и Е.Г. Батюшкиных, в котором размещалась

резиденция Верховного Правителя. В 2001 году мемориальную доску в память Колчака предполагали установить на здании Морского корпуса в Санкт-Петербурге (в советское время – Высшее военно-морское училище имени Фрунзе), но в итоге доска (на которой, кстати, упомянуто только о заслугах адмирала как полярника и флотоводца) лишь через год пополнила собой экспозицию музея училища, закрытого для широкой публики. В августе 2005 года мемориальную доску в память Колчака установили на здании железнодорожного вокзала в Иркутске, а в феврале 2006 года еще одна мемориальная доска, посвященная Колчаку, была открыта в Екатеринбурге. В 2003

году одной из безымянных вершин в отроге горы Когутай главного Кавказского хребта российскими альпинистами было присвоено имя Колчака.

Летом – осенью 2003 г. была проведена историко – мемориальная экспедиция «Беннета – 2003». Автором идеи ее организации и научным руководителем был А.А. Першин – научный сотрудник Института океанологии имени П.П. Ширшова Российской Академии Наук. В городе Иваново

Памятный крест, установленный на месте убийства А.В. Колчака и В.Н. Пепеляева

был изготовлен и освящен памятный православный крест в честь участников спасательной экспедиции, возглавлявшейся А.В. Колчаком в 1903 г. Крест был доставлен в товарном вагоне из города Иваново в город Усть-Кут Иркутской области, а затем на пяти речных теплоходах по реке Лена он был привезен в арктический порт Тикси. Туда же был доставлен надувной парусный тримаран «Русь», на котором участники экспедиции планировали добраться до острова Беннета. В экспедиции приняли участие девять человек (руководитель О.Волынкин, капитан тримарана – А. Леванов). 31 июля тримаран вышел из бухты Тикси и 13 августа достиг острова Беннета. Здесь, на мысе София был установлен и освящен памятный крест и мемориальная доска в честь Колчака и его спутников. 19 августа «Русь» прибыла в конечную точку экспедиции – на полярную станцию «Санниково», расположенную в районе мыса Медвежий – юго-западной оконечности острова Котельный. Всего за двадцать дней в сложных условиях на тримаране было пройдено 1147 миль.

В тот же день 19 августа, который в церковном календаре значит как праздник Преображения Господнего, штаб экспедиции, воспользовавшись любезным приглашением командования Отдельного Арктического пограничного отряда (коменданта Пограничной комендатуры подполковника А.А. Богданова, начальника Тиксинской погран-заставы капитана Е.В. Новикова, помощника начальника Управления Федеральной Пограничной Службы России в Республике Саха (Якутия) капитана 1 ранга Н.П. Калошина) совершил плановый семичасовой полет по маршруту: поселок Тикси – Большой Ляховский остров – остров Новая Сибирь – остров Жохова – остров Беннета – остров Фаддевский – южный берег острова Котельный – поселок Тикси. У острова Беннета самолет несколько раз пролетел над мысом Преображения (назван А.В. Колчаком в честь Преображения Господнего 19 августа 1902 г.) и мысом София.

А.А. Першин рассказал автору данной работы об еще одном интересном факте, связанном с сохранением памяти об А.В. Колчаке. Во время поисков информации об участниках Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана (1913 – 1915 гг.) им было установлено, что в собрании одного из крупных московских коллекционеров хранится шлюпочный компас, с которым Колчак ходил в экспедицию на остров Беннета.

Предположительная история компаса такова. Он был подарен Колчаком доктору Э.Е. Арнгольду в Порт-Артуре, где Арнгольд лечил Колчака от ревматизма. Впоследствии Арнгольд участвовал в плавании на ледокольном пароходе «Вайгач», а в начале 1918 г. он был расстрелян матросами в Севастополе. Вдова Э.Е. Арнгольда – Мария Николаевна Куманина сумела сохранить личные вещи и архив своего мужа. Впоследствии она переехала в Москву, второй раз вышла замуж и скончалась в 1971 г. После ее смерти бесценные архивы и реликвии были расхищены.

В 1987 г. А.А. Першиным в музее Дальневосточного морского пароходства во Владивостоке была обнаружена фотография ледокольного транспорта «Вайгач» размером 70 x 40 см, сделанная в 1909 г. с многочисленными автографами членов экипажа. Два автографа были грубо вытерты. Судя по дате фотографии, один из них принадлежал А.В. Колчаку.

Вообще за последние полтора десятка лет память адмирала Колчака достаточно активно увековечивается в России: выходят книги и статьи, рассказывающие о его жизни, ставятся спектакли, создаются художественные полотна, посвященные жизни Адмирала (можно отметить цикл работ московской художницы В.В. Владимировой). В Кисловодске, в музыкальной гостиной «Благодать», открылась первая в России постоянная выставка, посвященная А.В. Колчаку. В Новосибирском музее железнодорожной техники стоит вагон-салон, в котором, по неподтвержденным данным, был арестован Колчак в 1920 г. Правда, некоторые инициативы по увековечиванию памяти Колчака, на наш взгляд, могут вызывать недоумение. Так, в действующем иркутском следственном изоляторе планируется открыть «камеру-музей» с экспозицией, повествующей о последних днях жизни Колчака.

В 1999 г. военным судом Забайкальского военного округа рассматривался вопрос о реабилитации адмирала Колчака в соответствии с Законом РФ «О реабилитации жертв политических репрессий». Определением суда А.В. Колчак был признан не подлежащим реабилитации. В настоящее время Генеральная прокуратура совместно с прокуратурой Омской области вновь изучает вопрос о реабилитации Адмирала. Между тем, по словам историка С.В. Дрокова, «обвинительное заключение “по делу самозваного и мятежного правительства Колчака и их вдохновителей” яв-

лялось в большей степени эмоциональным политическим сочинением, нежели судебным документом. Оно обвиняло весь общественный строй, политическую и экономическую системы, сложившиеся к началу 1920 г. в Сибири. Аргументация выдвинутых обвинений для юрисдикции составлена на источниках третьего порядка: одном из вариантов стенографической записи (не протоколов) допросов А.В. Колчака и в 10 % предварительных следственных материалов». Более того, Иркутский Ревком, формально по инициативе которого были убиты Колчак и Пепеляев, к следствию никакого отношения не имел: оно велось земско-эсерово-меньшевистским Политическим центром. Проблема правомерности реабилитации Колчака (и других участников Белого движения) современными органами судебной власти этически весьма сложная. Но очевидно, что обвинения в «продажности и измене» России, выдвинутые в 1920 году, не имеют под собой никаких реальных оснований.

В заключении хотелось бы рассказать читателю о двух родственниках А.В. Колчака, судьба которых сложилась так, что им пришлось служить в Красной армии и флоте. Речь идет о троюродных братьях А.В. Колчака, родственниках по линии младшего брата деда адмирала – Федора Лукьяновича.

Николай Александрович Колчак родился в 1895 году. Он не смог поступить в Морской корпус из-за астигматизма и окончил Институт инженеров путей сообщения. В годы Первой мировой войны воевал в звании вольноопределяющегося, в Гражданскую войну командовал красной батареей. После войны жил в Ленинграде, работая в одном из проектных институтов. Скончался Н.А. Колчак в 1942 году во время ленинградской блокады.

Владимир Александрович Колчак родился в 1897 году, окончил Морской корпус в 1916 году. С 1917 года он служил на различных кораблях Балтийского флота. 3 октября 1919 г. по требованию Реввоенсовета он и его отец (отставной контр-ад-

мирал Александр Федорович Колчак) переменили фамилию на «Александровы». В 1922 году В.А. Колчак (Александров) был уволен с военной службы, на которую он вновь вернулся в 1932 году, чтобы пять лет спустя быть уволенным вновь. В ноябре 1941 года Владимир Александрович был вновь призван на флот в звании капитан-лейтенанта, но уже 16 декабря он скончался в госпитале от воспаления легких. Его сын, Михаил Александрович, в настоящее время проживает в Санкт-Петербурге.

* * *

Подводя итоги жизни и деятельности Александра Васильевича Колчака, хотелось бы привести мнение о его личности, принадлежащее современному историку А.С. Кручинину. Оно весьма ярко, на наш взгляд, характеризует образ А.В. Колчака.

«Трагедия, загадка или, если угодно, злой рок Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего определялись, кажется, отнюдь не недостатком каких-либо качеств, требующихся для выполнения его работы. Александр Васильевич Колчак вовсе не был слабой безвольной пешкой в чужих руках; или лихим моряком, «умеющим управлять кораблем, но не армией»: или прекраснодушным идеалистом, самозабвенно возводившим воздушные замки над залитыми кровью и грязью полями Гражданской войны. Адмирал был человеком волевым, упорно стремящимся провести в жизнь свои решения, с широким кругозором и мощным интеллектом, военачальником, выбиравшим обоснованные и во многом рациональные пути, — и именно поэтому [курсив автора — Н.К.], когда обстановка оказывалась более сложной, а военное счастье изменяло, — удары оказывались, должно быть, слишком сильными и вызывали моральное перенапряжение и чрезмерно эмоциональную реакцию Верховного».

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. р-5881. Оп. 1. Д. 473.
2. А.В. Колчак – ученый, адмирал, Верховный Правитель России: Исторические чтения, посвященные 130-летию со дня рождения А.В. Колчака. Омск, 4 ноября 2004 года. Омск, 2005.
3. Богданов К.А. Адмирал Колчак: Биографическая повесть-хроника. СПб., 1993.
4. Верховный правитель России: Документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака. М., 2003.
5. Военно-морская миссия вице-адмирала А.В. Колчака в Америку. Подг. к публ. С.В. Дрокова // Отечественные архивы. 1996. № 1. С. 76-84.
6. Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.; М., 2002.
7. Дроков С.В. К вопросу о «реабилитации» Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака // История белой Сибири. Материалы 5-й международной научной конференции. 4-5 февраля 2003 года. Кемерово, 2005. С. 214-221.
8. Дроков С.В. Протокол допроса Колчак-паша и другие документы родословной Верховного Правителя России // Сибирь в период Гражданской войны. Материалы Международной научно-практической конференции (6-7 февраля 2007 года, г. Кемерово). Кемерово, 2007. С. 25-29.
9. Зырянов П. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006.
10. Калачов В. Стратегическая оценка возможностей блокады Босфора Черноморским флотом и десантной операции в его окрестностях в войну 1914 – 18 г. г. // Морской сборник. 1926. № 7. С. 27-45.
11. Козлов Д. Черноморский дебют адмирала Колчака // Флотомастер. 2003. № 1. С. 20-29.
12. Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни. Барнаул, 1991.
13. Колчак В.И., Колчак А.В. Избранные труды. СПб., 2001.
14. Кручинин А.С. К истории конфликта между А.В. Колчаком и Г.М. Семеновым // История белой Сибири. Тезисы 4-й научной конференции. 6-7 февраля 2001 года. Кемерово, 2001. С. 213-215.
15. Кручинин А.С. Тайны адмирала Колчака // Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: В 2 книгах. Кн. первая: Части I, II. М., 2005. С. 5-94.
16. Кузнецов Н.А. Адмирал А.В. Колчак // Исторические портреты: А.В. Колчак, Н.Н. Юденич, Г.М. Семенов ... М., 2004. С. 7-57.
17. Кузнецов Н.А. Георгиевские награды адмирала А. В. Колчака // Добровольец. 2002. №1. С. 4-5.
18. «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». М., 1996.
19. Первопоходник. 1974. № 17.
20. Першин А. Тайна архива доктора Арнгольда // Мир Севера. 1998. № 2. С. 38 - 40.
21. Першин А. Экспедиция на край земли (К столетию похода А.В. Колчака на остров Беннета) // Живописная Россия. 2005. № 4. С. 38 - 42.
22. Платонов А.П. Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л., 1925.
23. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002.
24. Посадсков А.Л. «Столица» на две недели: к истории пребывания А.В. Колчака в Новониколаевске (19 ноября – 4 декабря 1919 г.) // История белой Сибири. Материалы 6-й международной научной конференции. 7-8 февраля 2005 года. Кемерово, 2005. С. 126-132.
25. Райхцаум А. Судьба адмиральского кортика // Ратоборец. 1994. № 7.
26. Рыжонков Г. «Блестящее дело» Колчака // Военно-морское историческое обозрение. 1997. № 3 (7). С. 18-20.
27. Сибирь в период гражданской войны. Учебное пособие. Кемерово, 1995.
28. Синюков В.В. Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики. М., 2000.
29. Синюков В.В. Александр Васильевич Колчак: от исследователя Арктики до Верховного правителя России. М., 2004.
30. Смирнов М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930.
31. Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918-1922. Париж, 1985.
32. Черкашин Н. Красные Колчаки // Родина. 2001. № 10. С. 22-27.
33. Plotto A.V. Au service du pavillon de Saint-Andre. Serving the St. Andrew flag. Paris, 1998.

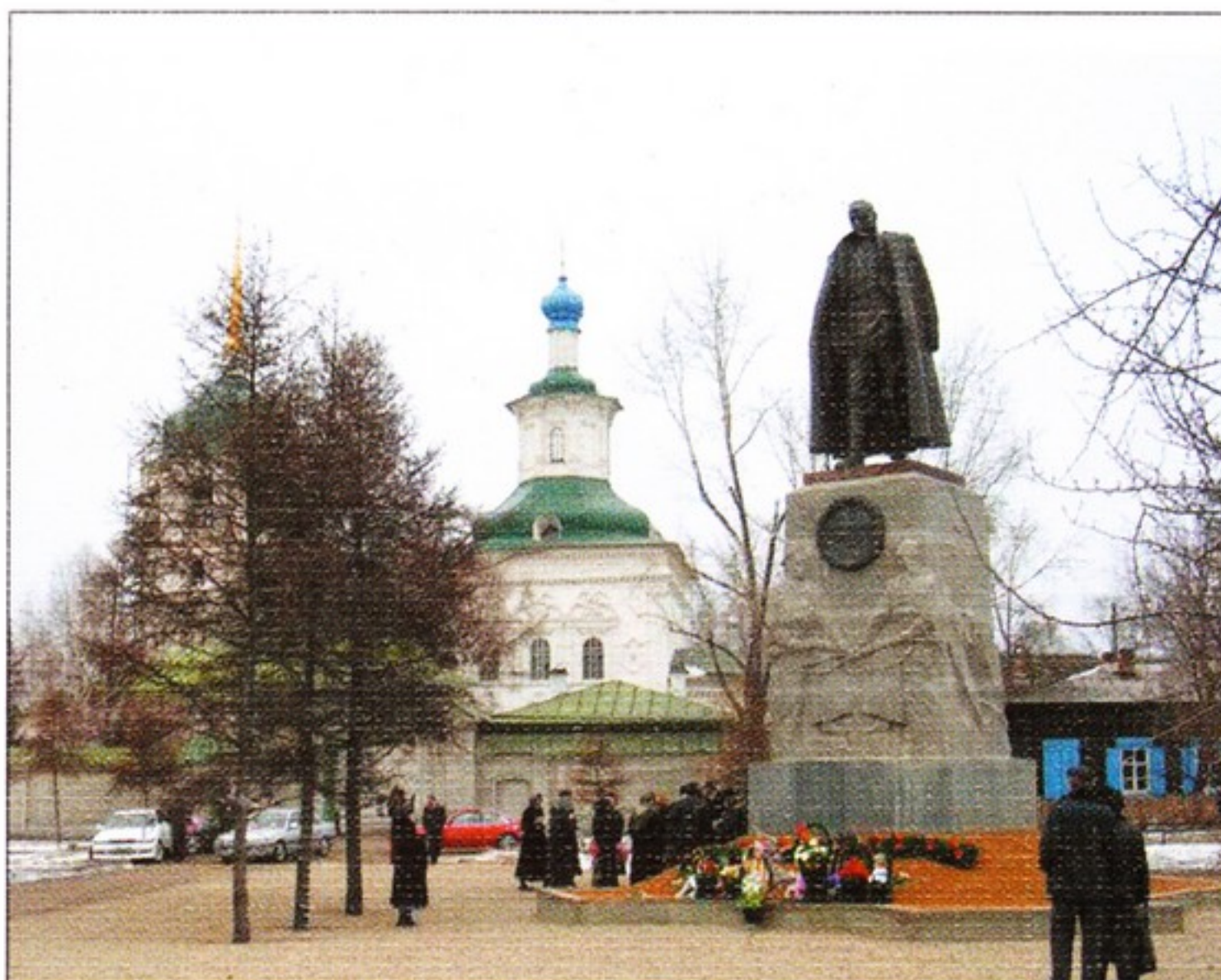

Слева: Непочтовые агитационные марки, посвященные А.В. Колчаку, отпечатанные по заказу командования Вооруженных Сил Юга России.

Справа: Памятный крест, посвященный участникам экспедиции 1903 года по спасению барона Толля, возглавлявшейся лейтенантом А.В. Колчаком, установленный в 2003 году на острове Беннета участниками экспедиции «Беннета – 2003».

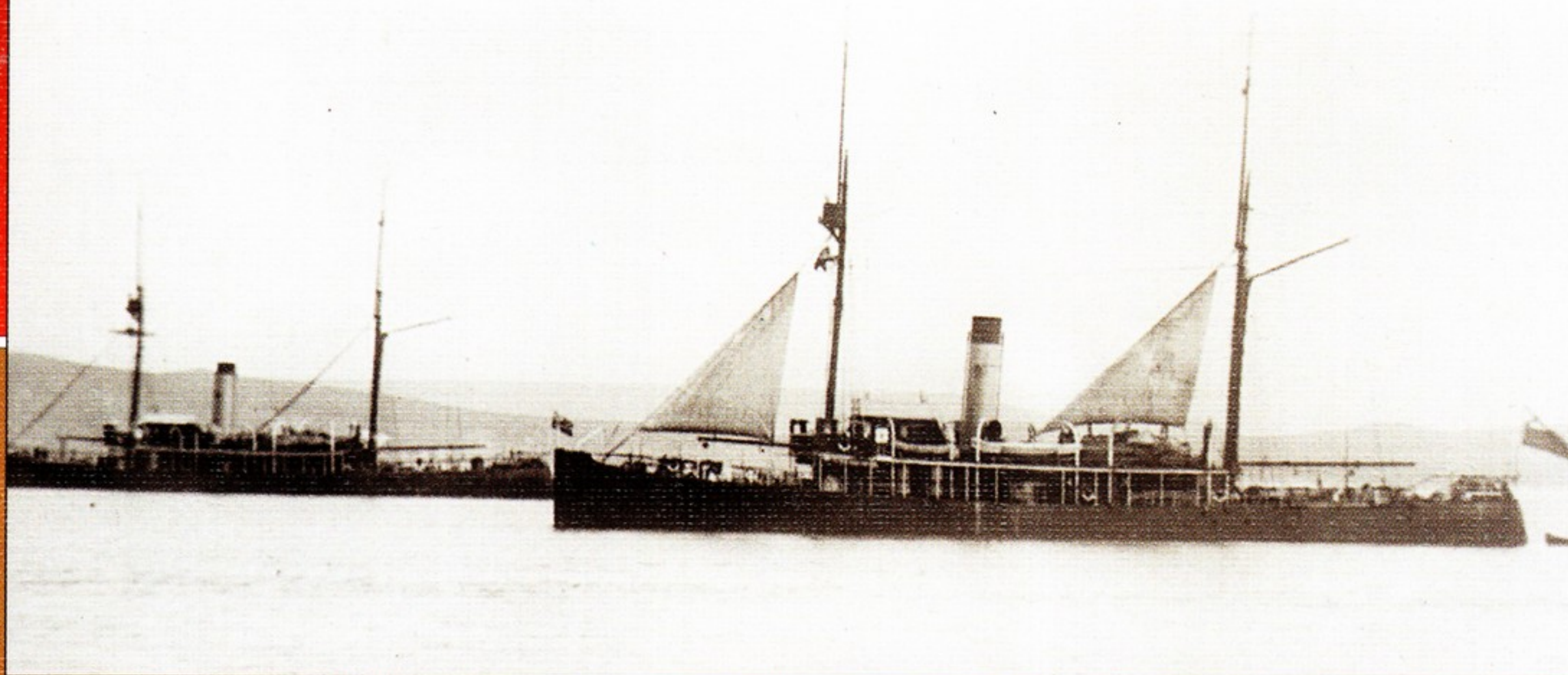

Рисунок флага Верховного Правителя, утвержденного 9 мая 1919 года

Памятник А.В. Колчаку, установленный в Иркутске

Работа посвящена жизни и деятельности адмирала Александра Васильевича Колчака (1874-1920) – русского моряка, полярного исследователя, в 1916-1917 гг. командующего Черноморским флотом. В период Гражданской войны Колчак стал Верховным Правителем России, в 1918-1920 гг. возглавив Белое движение на Восточном фронте. В книге рассказывается о различных аспектах биографии этого выдающегося человека – полярника, флотоводца, государственного деятеля.

ISBN 978-5-9771-0080-9

9 785977 100809